

**Сборник слов «Внутренняя жизнь»
Феофан (Гóворов) епископ Тамбовский и
Шацкий, Затворник Вышенский, святитель**

1. Не внешне только надо держать добрую исправность, но и в сердце содержать то. Это главное дело

Прошлый год с этого воскресенья начал я вам объяснять, в чем состоит путь, ведущий ко спасению, и в несколько бесед мы дошли с вами, если припомните, до следующего определения: узнай и сердцем содержи все, чему учит святая Церковь, и, приемля Божественные силы чрез таинства и возгревая их чрез все другие священнодействия и молитвования Церкви, иди неуклонно путем заповедей, предписанных нам Господом Иисусом Христом, под руководством законных пастырей – и несомненно достигнешь Царствия Небесного и спасешься. Я нарочно повторял тогда несколько раз это правило, как повторяю и теперь, с тем, чтобы вы легче могли утвердить его в своей памяти. Но при всем том я не думал сказать вам что-либо новое, а хотел только порадовать вас, возведши до сознания, что все, чем мы чаем угодить Богу и душу свою спасти, есть действительно Богом нам дарованный, единственный путь ко спасению, а обрадовавши – возбудить живейшую ревность идти сим именно, а не другим путем – без колебания, без отставания и без блуждения.

Теперь что остается? Остается идти. Пойдем же, чтоб иначе к нам не относился укор Спасителя к иудеям за то, что они не хотели воспользоваться указаниями Иоанна Предтечи: «Он же светильник горя и света, – говорил Спаситель, – вы же восхотесте возрадоваться в час светения его» (Ин. 5, 35). То есть Иоанн Предтеча указывал им путь жизни в Христе Спасителе, а они не последовали совету его. Что тогда было, то может быть и теперь и во всякое время. Можно стоять при пути спасения, колеблясь недоумениями, точно ли этот путь есть единственный путь и нет ли другого поудобнее и попривольнее. Можно и веря в истину и неотменность пути сего спать при нем в беспечности или отлагать самое шествие день ото дня. Можно стоять и дивиться на всех мимоходящих путем тем, не двигаясь с места, или вступать на него и опять сходить, вступать и

сходить. Как жаль, имея так верным получение вечного спасения, в день распределения участи всех оказаться лишенным его!

Не думаю, чтоб кто-нибудь из вас принадлежал к какому из сих классу. Избави вас, Господи!.. Но можно еще вот в каком состоянии находиться: думать, что идешь, а между тем нейти; можно двигаться, не подаваясь вперед, подобно мулу, поворачивающему рушальное колесо. На это и прошу обратить внимание.

И здесь может быть не один случай. Укажу вам главный. Это бывает тогда, когда кто останавливается на одном внешнем, не обращая внимания на внутреннее настроение сердца, между тем как поступательное движение в Царствие совершается не иначе как в сердце и сердцем. Оно похоже на восхождение воздухоплавательного шара вверх. Впускают в сей шар высшую, легчайшую стихию, и он поднимается кверху сам собою. То же и в деле шествия ко спасению. Приемлет кто небесные Божественные стихии сердцем, подобонастроенным к тому, – и восходит духовно к Небу – в духовных совершенствах. И чем более приемлет тех, тем выше поднимается, идя прямым путем в Царствие Небесное. Так, все в сердце; а иной, не имея ничего в сердце и только делая дела внешние, неизбежные при сем, может думать, что он идет в Царствие, тогда как на деле нейдет.

Итак, ревнуя о спасении, все внимание должно обращать на устройство сердца, или на впечатление в нем истинно христианских чувств и расположений, хотя при пособии всего того видимого устройства, которое необходимо входит в состав спасительного пути. Не должно, например, ограничиваться одним знанием Символа и даже всего Катехизиса, а надо сердцем приять и сердцем возлюбить всякую изреченную там истину; не должно довольствоваться одним внешним участием в молитвованиях Церкви, а надо и умно – в сердце – возноситься к Богу; не должно останавливаться на одном доброделании, телом совершаемом, но надо воспитать в себе еще добрые чувства и расположения и прочее. Ибо чего нет в сердце, того и на деле нет.

Если нет веры в сердце, то ее совсем нет, хотя бы кто писался православным. Если нет воздыханий в сердце, нет их и совсем, хотя бы кто воздух колебал или и бил себя в перси. Если нет страха Божия в сердце, нет его и совсем, хотя бы кто видом казался исполненным благоговения. Если нет чистоты и отрешенности в сердце, нет их и совсем, хотя бы кто чист был телом и ничего не имел из благ мира. Если не бывает человек сердцем в храме, нет его здесь и совсем, хотя бы он тут стоял телом. Так, все надо совершать сердцем. Сердцем любить, сердцем смиряться, сердцем к Богу приближаться, сердцем прощать, сердцем сокрушаться, сердцем молиться, сердцем благословлять и прочее и прочее... Ибо каков кто в сердце, таковым зрит его Бог с высоты Своего престола и соответственно тому принимает его. Каин и Авель приносили жертвы вместе, но Бог «призре... на Авеля и на дары его: на Каина же и на жертвы его не внят» (Быт. 4, 4–5). Мытарь и фарисей молились вместе в церкви, но мытарь принят, а фарисей отвержен (Лк. 18, 10–14). Где причина таких отличий? В настроении сердца. Почему Бог и требует словами премудрого: «Даждь ми, сыне, твое сердце» (Притч. 23, 26). И пророк Давид влагает нам в уста такую молитву: «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей» (Пс. 50, 12).

Каково должно быть настроение сердца, свойственное христианину, идущему незаблудно путем спасения, это я по временам буду объяснять вам мало-помалу хотя в главных чертах. Аминь.

13 ноября 1860 г., в 25-ю неделю по Пятидесятнице

2. Каков кто в сердце, таким имеет его Бог и так относится к нему

В прошедшей беседе я навел вас на мысль, что главное в нашей жизни есть настроение сердечное и что каков кто в сердце, таковым того имеет и Бог, несмотря ни на какие внешние отличия и преимущества. Хочу и ныне остановить внимание ваше на той же мысли, чтоб научить вас ценить свои движения внутренние и таким образом расположить – строже смотреть за своим сердцем и за всем, что входит в него и исходит из него.

Не буду для этого входить в рассуждения. Представляю только несколько случаев и примеров из слова Божия и житий святых в подтверждение сей истины.

Вот и в читанном ныне Евангелии представляется богач, который, как обычно зажиточным, задумал перестроить житницы свои по случаю обильного урожая. Ничего нет тут укорного. И за это не укоряет его Господь. Но между тем как он это задумал, из сердца вышло такое помышление: ну, теперь только ешь, пей и веселись; не о чем заботиться и нечего бояться. Кажется, не велико слово. Но что значило оно?.. Оно значило, что он сердцем отвратился от Господа и весь прилепился к богатству, на него одно полагаясь и в нем чая иметь верного хранителя и всегдашнего защитника, поставляя его, таким образом, для себя в бога. Никто сторонний не видел в нем такого помышления. Но его зрел Бог с Небеси святого Своего – и тот же час дал ему должный ответ: «в сию ночь душу твою истяжут от тебе» (Лк. 12, 20). Лег он, не предвидя никакой опасности, а утром найден умершим. Вот суд Божий не по внешнему, а по сердцу. Сколько, братие, знаем мы случаев скоропостижной смерти! Но кто знает, не ответ ли это правды Божией богопротивному настроению сердца, делающему человека недостойным жить в богоуправляемом мире, – настроению, о котором думали, может быть, умершие и Бог не знает, как никто не знает из людей!

Предложу вам и еще опыт суда Божия.

Известно вам, что народ израильский был возлюбленный Богу. Сколько милостей явил к нему и как часто необыкновенным образом спасал его Бог!.. Израиль с своей стороны служил Богу по закону, данному Самим Богом, и хвалился пред всеми народами именем Господа Саваофа, Которому служил. Войдемте же теперь мысленно в храм их и посмотрим, что там... Приносятся жертвы онов и тельцов, возжигается кадило, поются псалмы; и это в новомесячие, всякую субботу и праздники – все по закону Божию. Смотри на сие, мы бы сказали: благочестивый народ! Как приятно Богу смотреть на эти дела их веры и богопреданности! Но вот является пророк Исаия, и послушайте, что говорит об них от лица Божия: «Содомляне вы, гоморряне вы... семя лукавое... язык грешный! Что Мне в жертвах ваших... кадило ваше – мерзость Мне... праздники ваши ненавидит душа Моя... И не приходите являться сюда пред лице Мое...» (Ис. 1, 4, 10–14). Слыша сие, вы готовы спросить в изумлении: за что, Господи, гнев такой? И вот вам ответ: за то, что сердце их исполнено лицемерия, лукавства, грабительства, жестокосердия ко вдовам и сиротам, неправосудия, плотоугодия и разврата. Вот что было у них на сердце!.. А снаружи посмотреть – они, кажется, все были исправны.

Еще разительнее то же самое изображает пророк Иезекииль. "Сидел, – говорит, – я в доме моем... и взял меня... дух и поставил меня – в видении Божиим – в Иерусалиме, в преддверии храма... Здесь увидел я одну скважню в стене. Муж, явившийся при сем, сказал мне: ...раскопай, – и я раскопал. Тот сказал: войди и виждь беззакония злая, яже творят сии здесь! Я вошел и увидел: на стенах изображено всякое подобие гада и скота и суетная гнушения... и мужи израильские кадят пред ними, каждый держа свою кадильницу в руке» (Иез. 8, 1, 3, 7–11). Что это такое? Было это на деле? Нет. Этим изображалось то, что каждый помышлял на ложе тайном своем, говоря: «Не видит Господь». Животными указывались страсти, коими полно было сердце их, а каждением – рабство сим страстям. Таковы были израильтяне по сердцу!.. Но кто это видел?.. Никто сторонний... Видел Бог и чрез пророка произнес

Свой суд над ними по тому, каковы они в сердце. «За то, – говорит, – что они предались нечистотам, говоря: ...не видит Бог. А Я вот есмь... не пощадит их око Мое, и не помилую» (Иез. 9, 9–10). Вот как вышло. А по внешнему поведению они могли казаться честными.

Припомните в житии Андрея, Христа ради юродивого, как ему открыто было внутреннее настроение одного человека. Все чтили сего человека за трудолюбие, приветливость и воздержание. Но святой Андрей, подошедши, увидел змия сребролюбия, обвинившегося вокруг шеи его. Вот одно было в наружности, а другое внутри.

В другой раз – шел кто-то, мужчина или женщина, не помню. На вид ничего худого не видно было, но открылись очи у святого Андрея, и он увидел ангела, зажавшего себе нос. На вопрос, что это значит, ангел сказал: «Нестерпимо зловоние блудной страсти, коею обладаемо сие лицо». А наружность ничего такого не представляла.

В житии Евфимия Великого рассказывается, что был в их стране старец, всеми чтимый и много всех пользовавшийся своими наставлениями и советами. Все считали его святым и богоугодным. Но когда он был при смерти, пришел другой старец и увидел, что бесы окружают одр его и с торжеством ожидают исхода души его... Видите, как все думали и как оказалось на деле!

Рассказывали также, что в Египетской пустыне был старец, который, когда присылал кто к нему какое подаяние, тотчас угадывал, что было на душе у того, кто присылал, и всегда говорил ученикам: тут кровь или слезы, это отдается корыстию, а это – нечистотою плотскою или тщеславием и гордынею.

Много бывало и других случаев, показывающих, что вся сила в настроении сердца и что каков кто по сердцу, таковым имеет его Бог, ангелы и все святые. Но довольно и этих, чтоб увериться вам, что так есть... Обратимся теперь к самим себе!

Если б открылись у кого очи умные и он осмотрел нас, здесь теперь собравшихся, что бы открылось?.. Даруй, Господи, всем нам быть и пред Богом по силе нашей безукоризненными, как мы почитаемся и желаем быть почитаемыми между собою

взаимно в наших отношениях. Но, братие, к чему тут слово лести? Не обольщайтесь самоуверенностью, войдите внутрь себя и разберите тонкие помышления и устремления сердца вашего – каждый своего – и по тому судите о себе и определяйте без лицепрятия, что вы – зная, что таковыми, а не инаковыми открыты вы Богу и всему духовному миру. А затем худое исправляйте в себе, а доброе насаждайте. Кто-то из святых отцов изобразил сердце сосудом, полным всяких гадов и змий, которые всякий раз, как замышляет человек сделать что, выходят из него и, если дело худо, питаются им, а если хорошо – покушаются осквернить его ядом своим. Если человек внимателен к себе, то, не допуская дел худых и тем не давая пищи змиям, истощает их и, отревая их покушения осквернить добрые дела свои, поражает их во главу. Продолжая неумолимо свой труд все в одном роде и духе, он наконец убивает сих змий и мертвыми выбрасывает вон. Змии суть страсти и склонности худые. Смерть их – очищение сердца от страстей. Вот об этом и поревнуем. Грехи делать перестанем, а добрые дела станем творить так, чтоб к ним не примешивались никакие худые чувства и расположения. А если что проскользнет, будем очищать то покаянием. Делая так, чистыми явимся мы не только пред людьми, но и пред лицом Бога всевидящего... Даруй, Господи! Аминь.

20 ноября 1869 г., в неделю 26-ю по Пятидесятнице

3. Вводит внутрь и показывает, что там

Не раз уже я предлагал вашему вниманию ту простую истину, что в христианстве существо дела состоит в настроении сердца, во внутренних расположениях, или внутренней нашей деятельности, с чем, думаю, вы сами были и пребываете согласными. Но доселе еще не покушался вместе с вами войти внутрь, подвергнуть рассмотрению все бывающее там, чтобы каждый чрез то навык различать потом в себе доброе и худое и соответственно тому обходиться с собою. Сделаем это теперь.

Смежите же внешние чувства ваши, обратите око внимания внутрь и смотрите, что там.

На первый раз вы ничего там не увидите – не потому, чтоб там не было ничего, но потому, что там слишком много всего и все сбито и бродит в беспорядочном смятении. Вы будете испытывать то же, что испытывают в густой туман. Как в сем случае туман, как стеною, отграждает от нас все предметы и сокрывает их в себе, так кто в первый раз обращается внутрь себя, тот видит, что, как мрачным покровом, закрыто все его внутреннее. В этом можете удостовериться теперь же.

Но не прекращайте труда самоуглубления. Потерпите немного в сем труде, и вы скоро начнете различать мало-помалу происходящее внутрь вас подобно тому, как вошедший снаружи в слабоосвещенную комнату, постоявши немного, начинает один за другим различать находящиеся в ней предметы.

Усугубьте же внимание и смотрите: вот предмет, который вас занимал, отошел – его место заступил другой; этот тотчас замещен третьим; не успел этот показаться, как его теснит четвертый, гонимый в свою очередь пятым, и так далее. Одно помышление спешно сменяется другим – и это так быстро, что всегда почти нет возможности дать себе отчета в том, что прошло чрез нашу голову. Эта подвижность помышлений не оставляет нас не только в промежутках занятий, например, при переходах с одного места на другое, но и во время их, как бы важны они ни были: и во время молитвы здесь, в храме, или

дома, и во время чтения и даже размышления углубленного и прочее. Обычно называют это думанием, в существе же дела это есть расхищение ума, или рассеянность и отсутствие сосредоточенного внимания, столько нужного в деле управления самим собою. Вот это и поставьте первую чертою нашего внутреннего человека. Подобие ему – смятение снежинок, падающих при ветре, или толчение насекомых в воздухе в летние вечера. Противоположное ему состояние у святых есть внимание ума, по коему ничто самовольно не входит в голову и не выходит из нее – все подчинено свободе и сознанию, в коем обычно пребывает один Бог и лицо, Его созерцающее. Между сими противоположностями стоят разные степени душ, потеющих в борьбе с помыслами и ревнующих об умиротворении их.

Присмотритесь еще внимательнее – и вы различите в себе, под этим смятением помышлений в уме, в воле постоянную заботу об устройении своего быта, которая непрестанно точит душу, как червь, гонит человека-труженика от одного дела к другому, устремляя его все вперед по недовольству ничем обладаемым и при производстве одного всегда представляя сотни других дел, будто неизбежных. С первого пробуждения нашего от сна осаждает душу забота и не дает нам ни посидеть на месте, ни поговорить с кем как должно, ни даже поесть спокойно, пока не свалит утомленных в глубокую ночь на отдых, в свою очередь возмущаемый заботливыми сновидениями. Эта болезнь именуется многозаботливостию, которая снедает душу, как ржа железо. Ее и поставьте второю чертою бывающего внутри нас. Противоположное ему свойство святых есть беспечалие, которое не есть беззаботность, и смиренный труд – правильный – в предании себя и своей участи всепромыслительному попечению Божию. Средину между ними составляет борьба – самопромышления с смиренным преданием себя промыслению Божию при посильном и своем труде.

Смотрите еще глубже – и вы должны увидеть внутри пленника, связанного по рукам и ногам, против воли влекомого туда и сюда, в самопрельщении, однако ж, мечтающего о себе,

что он наслаждается полной свободой. Узы сего пленника составляют пристрастия к разным лицам и вещам, окружающим его, от которых больно нам отстать самим и болезненно расстаться, когда другие отнимают их у нас. Как на удочку попавшаяся рыба плавает еще, но никак не дальше, как позволяет нить, к коей прикреплена удочка; или как птица в клетке летает и ходит, но никак не далее пределов клетки – так пристрастия оставляют еще душе свободу действовать, как хочет, пока она не касается предметов их. Коснись дело до сих предметов, душа никак не совладеет с собою. И чем больше пристрастий, тем меньше круг свободы. А бывает и так, что иной всем связан и не в силах сделать движения в одну сторону без того, чтоб не причинить себе боли с другой. Подобно тому, как идущий где-либо в лесу и запутавшийся там и руками, и ногами, и платьем в прилипчивую траву, каким бы членом ни двинул, чувствует себя связанным, таким точь-в-точь чувствует себя и пристрастный ко многому тварному. Это поставьте третьей чертой нашего внутреннего состояния – пристрастность. Противоположное ему свойство святых есть отрешенность от всего, свобода сердца, внутренняя независимость. Средину между ними составляет работа над освобождением сердца от пристрастий.

Расхищение ума, многозаботливость и пристрастность – это еще не вся доля наша. Хоть они качествуют внутри, но все еще витают как бы на поверхности сердца. Приникнем глубже вниманием к сему сердцу и прислушаемся к тому, что там. Упрежду ваше соображение сравнением. Путник в горах видит пещеру, вход в которую прикрыт разросшеюся травой, внутри – мрак. Приложив ухо, он слышит там шипение змей, рычание и скрежет зубов диких зверей – это образ нашего сердца. Случалось ли вам когда наблюдать за движениями его? Попробуйте сделать это хотя в продолжение небольшого времени и вот смотрите, что вы можете там увидеть. Получили неприятность – рассерчали, встретили неудачу – опечалились, враг попался – загорелись местию, увидели равного вам, занявшего высшее место, – начинаете завидовать. Подумали о своих совершенствах – заболели гордостью и презорством. А

тут человекоугодие, тщеславие, похоть, сластолюбие, леность, ненависть и прочее одно за другим поражают сердце. И это иногда в продолжение нескольких минут. Все это исходит из сердца и в сердце же возвращается. Справедливо один из подвижников, внимательных к себе, созерцал сердце человеческое полным змий ядовитых, кои суть страсти. Когда загорается какая-либо страсть – это то же, как бы змий выходил из сердца и, обращаясь на него, уязвлял его своим жалом. И когда выникает змий – больно, и когда жалит – больно... Ужаливая, питается он кровию сердца и тучнеет; тучнея, делается более ядовитым и злым и еще более тиранит сердце, в коем живет. Так бывает не с одною только страстию, но со всеми, а они никогда не живут поодиночке, а всегда все в совокупности, одна другую заслоняя, но не истребляя. Таково сердце человека, греху работающего, кто бы он ни был. Противоположное сему сердце святых свободно от страстей, или украшается бесстрастием. В середине стоят борющиеся со страстями и похотями под знаменем подвигоположника Господа, в Его всеоружии.

Довольно! Не распространяюсь далее. Но что же, поредел ли теперь для вас мрак, сокрывающий наше внутреннее?.. И если поредел, на радость ли это или на горе? Горе рассеянным, многозаботливым, привязанным к чувственному и терзаемым страстями! Блаженны, напротив, души, внимательные к себе, упокоивающиеся в Боге, отрешенные от всего и сердце свое очистившие от страстей! Благословенны и труды тех, которые, оставя пагубы первых, стремятся востечь к блаженству вторых! Куда же кого из вас поставит совесть ваша? Желал бы, чтобы вы все принадлежали к числу блаженных, наслаждающихся совершенством в Господе. Если же это не есть удел наш, будьте по крайней мере в числе работающих и воющих за получение сей почести вышнего звания. Но никто да не остается в числе беспечных, пораженных нечувствием и слепотою и в сем нечаянии терзаемых страстями среди рассеяния мыслей, забот и всякого рода пристрастий. Аминь.

11 декабря 1860 г., в неделю 29-ю по Пятидесятнице

4. Признак внутреннего благодатного оживления о Господе

«Бог... богат сый в милости, за премногую любовь... еуже возлюби нас, и сущих нас мертвых прегрешеньми, сооживи Христом: благодатию есте спасени», – так учит нас ныне святой апостол Павел (Еф. 2, 4–5). Бог нас, «мертвых прегрешеньми», сооживил Христом. В сем существо христианства! Ради сего Господь приходил на землю, и к сему направлено все устройство нашего спасения во святой Церкви! Пали мы и умерли. Восстаем во Христе – и снова жить начинаем.

Но, братие, сие умертвие и сие оживление из мертвых не есть какое-либо дело видимое, осязаемое, а есть нечто незримо совершающееся внутри – в сердце человека. Апостол Павел говорит о язычниках: вы были мертвы (Еф. 2, 1), потом прибавляет: и мы, то есть иудеи, были мертвы, когда были подобны вам (Еф. 2, 3 и далее). Так, и язычники, и подобные им иудеи, по апостолу, до принятия Христа Спасителя были мертвы. Между тем ведь они ходили, говорили, трудились, торговали, судились и прочее – делали все, что свойственно делать живым людям. Потом, когда те и другие уверовали в Господа, апостол говорит, что они оживлены Христом, хотя наружно они продолжали жить такую же жизнью человеческою, как и все. Так они ожили в сердце своем, в совести своей пред лицом Бога и для Бога, как прежде мертвы были тоже в сердце своем для Бога.

Остановите, братие, внимание ваше на сей незримости и неосязаемости нашего во Христе оживления! Оно незримо: стало быть, ничего видимого нельзя ставить в признак и доказательство того, что оно в нас есть – совершилось и действует. Признаки сии должны быть внутренни, незримы, как и само оно. Нельзя ставить в доказательство его, например, то, что мы родились и живем между христианами, числимся в Православной Церкви христианской, не чуждаемся христианских порядков и прочее подобное, ибо при всем этом внутренно мы можем быть мертвы, а если мертвы, значит,

непричастны Господу Иисусу Христу-Оживителю; если же Ему непричастны, нет нам спасения – мы в числе погибающих.

Выставляю вам сие на вид, чтоб побудить вас войти внутрь себя и внимательнее проследить черты внутреннего во Христе оживления, чтоб потом вернее определить, действует ли оно в нас или мы вид только имеем, что живем, а на деле мертвы есмы, – и, определив то, или радоваться, что так есть, или ревностью возгореться отстранить то, чему не следует быть, и восставить то, что всегда должно иметь место в оживленных Иисусом Христом.

Спросим у апостола, отчего это язычники и подобные им иудеи были мертвы до принятия Христа Спасителя. Он отвечает нам: оттого, что творили «волю плоти и помышлений» (Еф. 2, 3). А что сделалось с ними, когда они ожили во Христе? То, что наперекор воле плоти и помышлений явились созданными во Христе Иисусе на дела благая. Таким образом, противление воле плоти и помышлений и устремление во Христе Иисусе на противоположное им благое – вот прямой признак оживления во Христе. Как видите, он очень прост. Будемте пояснять разные его стороны!

Воля плоти и помышлений нам должна быть понятна. В другом месте апостол называет ее просто плотию, или плотию со страстями и похотями, или живущим в нас грехом, а противоположное ей направление именует духом и главный для христианина закон жизни так выражает: «духом ходите и похоти плотския не совершайте» (Гал. 5, 16). Ходите вы духом, если и живете духом; а живете ли вы духом, сие же можно видеть из того, если похоти плотские не совершаете (Гал. 5, 24). Первоначально у нас не было сей похоти – сего живущего в нас греха, сих страстей; мы были духовны. Печать человечества была в духе, а дух – сила, в Боге живущая, из Бога пьющая жизнь и все к Богу устремляющая и в человеке, и вне его – и внутреннее, и внешнее. Когда завистию зминою запят был сей дух на пути своих стремлений и, вняв лести, принял семя змииное в самости, в себя замкнулся и в себе вздумал жить, тогда пресеклись притоки жизни Божественной, дух замер, и исполнилось: «в оньже аще день снете... смертью умрете»

(Быт. 2, 17). Между тем семя змииное, падшее в землю естества нашего, не пребыло одно, а все плодилось и плодилось, и все плоды его были плоды смерти, или новые притоки мертвящих сил, кои так расширились, что весь мир, по апостолу Иоанну, был не что иное, как область смерти. Семя змииное в нас – самость; отрасли его – страсти: сначала гордость, своекорыстие, чувственность; далее – гнев, похоть, ненависть, зависть, тщеславие; наконец, все неисчетное множество страстных движений и навыков, грубых и тонких, о них же «не леть есть часто и глаголати» (2Кор. 12, 4). Все сие есть атмосфера смертная и мертвящая, и все ею объемлемое пребывает в смерти. Ибо когда таким образом страсти водворились – Бог забыт, духовные стремления погасли и человек стал не похож на человека.

Войди теперь всякий в себя и рассмотри, что в тебе действует, что подвигает тебя на дела, в чем главная пружина, заправляющая твоими помышлениями, чувствами и делами. И если найдешь, что действуешь то в угоду плоти и чувственности, то в видах своекорыстия и интереса, то в замыслах себя выказывания и возвышения – и вообще в угоду только себе и своим желаниям, ни в чем себе не попереча и всякой страсти покоряясь беспрекословно, как только она появится, то явно, что ты раб греха и смерти, или, по апостолу, «мертв прегрешеньми» (Еф. 2, 5), ибо творишь «волю плоти и помышлений» (Еф. 2, 3).

Творить волю плоти и помышлений – значит, что пришло на мысль, то и делать, чего похотелось, к тому и стремиться. Пришел гнев – браниться; пришла похоть – скоро удовлетворять ей; представился случай к неправой прибыли – сейчас пользоваться им; захотелось повиситься – решаться на все кривые пути к тому. Так и во всем, что ни захотелось – тотчас делать то. Кто таков, тот очень походит на вьючное животное. Как мула, навьючив, ведут, куда хотят, и еще бьют, – так враг наложил на человека бремя страстей, связал его ими, правит им посредством их и ведет, куда хочет, тиранствуя и издеваясь над ним. Праведно пророк Давид грешнику, покаявшемуся и воспоминающему о своем состоянии во грехе, влагает в уста

такие слова: «на хребте моем делаша грешницы» (Пс. 128, 3). И апостол говорит, что неверные как ведомые ведутся «к безгласным идолам» (1Кор. 12, 2), то есть, как связанные, влекутся по пути страстей и похотей. А что это за жизнь? Что тут человеческого? Человеческое тут все замерло, а действует только самостное, страстное, сатанинское, плод принося смерти, а не жизни.

Как же теперь быть? Да так и останется человек в сей области мертвящей, пока не обратится ко Господу и пока ради его обращения благодать, пришедши, не высвободит его из сих уз смерти. Человеку душно и томительно пребывать в такой работе. Хоть и кажется иной довольным оттого, что удовлетворяет своей похоти, но внутренне не бывает у него радости и веселия. Как ржавчина ест железо или червь точит дерево, так внутри у него жало смерти нравственно грызет его живое существо, и он томится в сем замирании. И вот, если даст Бог, придет человек в себя и, осмотрясь кругом, восчувствует тяготу своего состояния и скажет: из-за чего же я работаю этим гадким страстям? Все им делаю в угоду, а покоя не имею, только Бога прогневаю и вечную муку готовлю себе. Не хочу с этих пор покоряться им, брошу все похоти и начну работать Господу Богу, Спасителю моему, нас ради в мир пришедшему и всех грешников к Себе призывающему. Когда скажет так в сердце своем грешник и самым делом обратится усердно к Господу с сердечным сокрушением и исповедию, тогда в таинствах дастся ему благодать и сила – устоять в своем намерении и одолевая привычные страсти, с какою бы силою они ни нападали на него. В сем действии его решимости работать Господу и в сем ниспослании ему благодати в таинствах полагается семя жизни о Христе Иисусе, которая и есть единая истинная жизнь, обнаруживающаяся и состоящая в противлении страстям и преодолении их. Пришедшая благодать оживляет дух, который, восприяв права свои, все начинает устремлять к Богу и, встречая на пути преграды страстей, их одолевает, прогоняет и искореняет. С сего времени начинается борьба на смерть, и чем решительнее кто противится страстям и искореняет их, тем быстрее выходит он из области смерти и

вступает в область жизни. Когда же благодатию Божиею совсем их заморит в себе до того, что движения их или совсем в нем не будет, или оно будет как нечто чуждое, тогда в торжестве духовном он может изречь: се смерть пожерта животом (1Кор. 15, 54), ктому не работаю греху и страстям и не готовлю стихий смерти на пагубу себе.

Так, братие, хотите ли явить в себе действующим оживление о Христе Иисусе – стойте в борьбе со страстями и похотьми. Всякий раз, как восчувствуете вы приражение их, противьтесь им и прогоняйте их. Сказал, например, кто или сделал что обидное, приходит гнев и внушает вам сделать ему отмщение – не слушайте сих внушений, прогоните гнев и преложите его на кротость. Представляется случай к веселиям, восстает чувственность и предъявляет свои требования – подавите ее, откажитесь и восстановите трезвенность и чистоту. Выпадает такой случай, что сделай только неправое дело, то или выгоду получишь, или приобретешь значительное отличие и повышение; приходит своекорыстие или гордость и склоняют на дело неправое – не слушайте, одолейте себя и сделайте наперекор им, как требует правда и совесть. Так и во всем, какая бы страсть и по какому бы случаю ни пришла – не слушайте внушений ее, делайте наперекор ей, одолевайте ее – и это будет значить, что вы не работаете смерти, а живете в Господе Иисусе Христе.

Приведу вам несколько на сей случай примеров, чтоб раздражить ревность вашу на сопротивление страстям. Рассказывают об одном юноше, работавшем страстям в товариществе с другими. Случилось, что благодать Божия воздействовала в сердце его. Он покаялся и положил не вдаваться более в прежнее непотребство. Товарищи его, остававшиеся в прежнем рабстве страстям, встретив его, говорят ему: пойдём туда и туда, сделаем то и то. «Идите себе и делайте что хотите, – отвечал он, – я уже не тот». Так будем говорить каждой страсти, прежней нашей приятельнице: я уже не тот – и отвратимся от внушений ее.

Святой авва Иоанн Колов еще живее изображает состояние души, убегающей страстей. В одном городе, – говорит он, –

была блудница и имела много друзей. Это – душа со страстями. Господин той страны пришел к ней и сказал: обещаешься мне жить целомудренно, и я возьму тебя в супружество. Это – Господь призывает душу. Она обещалась, и он взял ее и привел в дом свой. Это – душа покаялась, дала обещание не грешить и получила благодать в помощь себе. Друзья ее соскучились и, зная, что она у господина, сказали: пойдём, дадим ей знак. Она услышит и выйдет к нам. Это – страсти приходят и начинают снова увлекать душу. Но бывшая блудница, услышав знаки, заткнула уши, вбежала во внутренние покои и заперла двери. Это – душа, которая по покаянии не слушает страстей и бежит от них, как от врагов прелестных. Так будем убегать от страстных внушений и мы всякий раз, как почувствуем приращение их.

Припомним еще сказание святого Макария Великого. Видел он врага, обвешанного разными сосудами, и спросил его: «Что это у тебя?» Он отвечал: «Орудия моих внушений. Подношу всякому, и кто примет – тотчас начнет действовать, как я хочу». «А куда идешь?» «Вот туда». «Что же, там принимают тебя?» «Нет, все злы; только один есть приятель, который, как только покажусь, от радости не знает что делать». Узнав имя того человека, святой Макарий обратил его ко Господу и научил противиться страстям. Когда бес пришел снова с своими внушениями, он уже не принял их и с гневом отвергнул и прогнал. Увидев опять того же беса, святой Макарий спросил: «Что, как теперь в том месте?» «Теперь все злы; и тот, кто прежде слушал меня, стал зол, еще злее других». Так будем злиться и мы на страсти, зная, что тем поражаем врага – человекоубийцу.

И чем злее, чем ревностнее, неподатливее, непрерывнее будем отвергать внушения страстей, тем скорее они ослабеют и, не получая пищи, совсем истощатся и замрут, как замирает и иссыхает дерево, не получая влаги и света. Тогда душа, в сладком покое пребывая, будет обильно вкушать мир и радость о Духе Святе, полными устами пия жизнь из недр Господних. Тогда она вступит в состояние, совершенно противоположное первому. Там она жила только для страсти и была мертва –

теперь она мертва для страстей и полна жизни. Теперь какая страсть ни приходи, уже не чувствуется и не производит тревог и смятений, как прежде. Это все то же, как приражение легкого праха к крепкой стене или удар молота в безвоздушном месте, остающийся без отзвука. Или как если какой хозяин упокоится во внутренних комнатах, повелев все запереть, – и приходят к нему сторонние, стучатся в окна и двери, а он не слышит; тогда те отходят, говоря: будто все вымерли, души живой нет. Так надо нам настроиться в отношении ко страстям. Пусть бьют они в окна чувств и в двери плоти – а мы так укроемся в сердце и так упокоимся в Господе, чтоб и не чувствовать ничего, как бы ни были сильны возбуждения их и раздражения. Сие состояние есть верх совершенства, цель, к коей стремиться должно.

Достигшие его вступают в блаженное бесстрастие, в коем во глубине сознания душа исповедует: «живу... не ктому аз, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20). Понятно вам будет теперь то, что святые отцы говорят о нашем отношении к страстям. Люди, – говорят они, – в отношении к страстям бывают трех родов: одни действуют по страстям, другие борются со страстями, а третьи искоренили страсти. Первые пребывают в смерти, вторые восходят от смерти в живот, третьи вступили в область жизни и утопают в обильных притоках ее.

Сие ведяще, братие, «помышляйте себе мертвых убо быти греху, живых же Богови, о Христе Иисусе Господе нашем. Да не царствует убо грех в мертвенном вашем теле, во еже послушати его в похотех его, ниже представляйте уды ваша оружия неправды греху, но представляйте себе Богови яко от мертвых живых, и уды ваша оружия правды Богови» (Рим. 6, 11–13). Сие да дарует вам Господь, пришедший в мир оживотворить нас, «мертвых прегрешеньми». Аминь.

27 октября 1863 г., в неделю 23-ю по Пятидесятнице

5. Как блюсти, питать и возвращать духовную жизнь, начатую в силу покаяния и святого причастия

Вот уже кому неделя, кому день как приступали вы к чаше Господней, как за обет не грешить снова приняты в приискреннее общение с Господом, как восприяли намерение вести новую жизнь и, укрепившись благодатию таинств, вступили на святое поприще истинно христианской деятельности. Что же? Успешно ли идут дела ваши?

Братие и отцы! Я не предполагаю между вами нерадивых и беспечных; не предполагаю таких, кои, холодно, по обычаю только приступив к таинству, продолжают и теперь жить, как жили прежде, или жить как живется, не заботясь о том, сообразны ли порядки их жизни с волею Господа, принятого в таинстве; не предполагаю и таких, кои, с искренним желанием приступив к таинству и положив при сем в сердце своем не оскорблять более Господа, успели уже снова пасть в прежние страстные дела и привычки. Думаю, что все вы радуете ныне Господа и ангелов Его, явившись сюда с тою же чистотою и полнотою жизни, с какою отпущены были от святого причащения, – и не только тою же, но и большею, успевши приложить плоды добрых дел, как приобретение на полученные благодатные силы. Едино прошу от Господа и то взыщу – да будет сие так.

Но если так, то, ревнуя об исправном христианском житии, заботясь о том, как бы явить себя угодными Господу, такую к нам великую милость недавно явившему, вы, верно, встречались с вопросом: как бы сделать, чтобы снова не пасть, как бы устроить такой порядок, чтоб он не мешал, а благоприятствовал новой, начатой по обету, требуемой совестью и желаемой сердцем жизни.

Вероятно, всякий решил уже сии вопросы для себя, как умеет и как находит лучшим. Но чтоб не вкралась в столь важном деле какая-либо ошибка, скажу вам об этом несколько слов – именно о том, как в самом деле надобно устроиться,

чтоб сохранилась, крепла и возрастала начатая нами новая жизнь.

Христианская жизнь, утверждаясь корнем в сердце, развивается и растет на поле жизни нашей подобно дереву. Потому до познания способов воспитания ее в нас можно сравнительно дойти по способам, употребляемым при воспитании дерев.

Смотрите, что делает садовник с молодыми корнями или прививками, – и делайте сами то же с собою и с своею жизнью христианскою. Тот огораживает свое деревцо и, когда нужно, прикрывает, чтобы неблагоприятные действия внешних стихий не повредили его; это первое. Огородив совне, поливает его, чтоб оно имело около себя довольно материи для всасывания в себя и образования из того питательных соков; это второе. Далее, чтоб оно росло ровно, кроме своего надзора и обрезывания лишних ветвей, привязывает его к тычине или жерди, крепко и надежно утвержденной в земле.

Подобный же сему уход должен быть и за ростками жизни нашей духовной. Во-первых, надобно оградить его от вредных влияний совне. Это вот что значит? Положили мы твердое намерение не грешить... Надобно теперь отстранить все, что может поколебать сие намерение, именно: изменить прежние обычаи и оставить привычки, которыми питались наши страсти; построить новый порядок своему поведению, или своим занятиям дома и вне и всем своим сношениям; а паче всего предохранять себя от соблазнительных встреч с такими предметами, лицами и вещами, кои могут возбуждать томящие нас греховные страсти... Если не сделаем сего, легко можем пасть – и росток жизни нашей духовной снова заглохнет подобно деревцу, подверженному вредному влиянию жара, или холода, или росы злокачественной!

Но и оградив сей росток показанным образом, не должно ограничиваться этим одним... Нет, надо еще, во-вторых, питать его... Надо доставить ему, так сказать, стихии, кои усвоив себе, он умножал бы тем свои соки, рос и крепнул... То есть надо делать вот что: 1) читать и слушать слово Божие и писания отеческие, равно как самим рассуждать о спасительных истинах

и вести о том беседы с единомысленными людьми или лицами, опытнейшими в жизни духовной; 2) ходить, сколько это для кого возможно, чаще в церковь Божию на божественные службы и дома учредить уголок молитвенный, время молитвы и правило молитвенное; 3) никак не опускать ни одного представляющегося случая к деланию добра или какому бы то ни было подвигу терпения или самоотвержения... Ежели устроимся так, то как бы светом, теплотою и влажностью обложим своего внутреннего человека и напоим его разного рода стихиями духовными, впивая кои он будет, как «дерево, насажденное при исходящих водах» (Пс. 1, 3), пышно и быстро развиваться и зреть; а если не сделаем, то росток сей, подобно древу на сухой и песчаной земле, скоро истощится, засохнет и замрет.

Какого, наконец, уравниателя приставим к сему древу, чтоб оно росло ровно и не давало ненужных, лишних отростков?! Это ближе всего свое собственное рассуждение. Смотрите сами внимательно за всем и все направляйте к одной цели. Не сможете сами, останавливаетесь часто в недоумении – обращайтесь к духовным отцам своим: спросите старцы, и рекут вам. Но при всем том не забудьте главного садовника и воспитателя нашего внутреннего деревца жизни Господа нашего Иисуса Христа, Которому и предайте души свои всецело. Преданных к Себе Господь никогда не оставляет, но то внутренними внушениями Им собственно, то указаниями чрез духовных отцов ведет их прямо и незаблудно кратким путем к совершенству в христианской жизни!

Вот что надо делать тем, кои желают сохранить в себе начатки новой жизни и преуспеть в ней! Не распространяюсь много, потому что тем, кои ревнуют о спасении, не нужны долгие убеждения. Им только напомним – и они тотчас берут себе в правило все, что считается для них душеспасительным. Таковыми желаю быть и вам; только одно еще считаю нужным приложить... Устроив все, о чем было помянуто – а помянутое не есть только набор слов, а все существенно необходимо в деле хранения и воспитания духовной жизни, – так устроив все сие, паче всего блюдитесь от рассеяния внимания ума, от

пристрастия сердца к каким-либо предметам и обременения воли многозаботливою попечительностию. Рассеянность, пристрастие и многозаботливость – три злейшие врага внутренней жизни. Будучи допущены внутрь, в непродолжительное время заглушат они духовную жизнь и повергнут вас снова как бы в летаргический сон, в забвение, беспечность и холодность. А в этом – смерть духовная. Да избавит вас от сего Господь многомилостивый и да умудрит вас во спасение! Аминь.

28 февраля 1860 г., во 2-ю неделю Великого поста

6. Общее начертание течения духовной жизни по наведению от восхождения царей к воцарению

«Побеждающему дам сести со Мною на престоле Моем, якоже и Аз победих и седох со Отцем Моим на престоле Его» (Апок. 3, 21)

«Горняя мудрствуйте, а не земная», – заповедал апостол Павел (Кол. 3, 2). Святые отцы, исполняя сию заповедь, не о духовных только предметах мудрствовали непрестанно, но и самым внешним вещам и событиям давали духовное знаменование, чтобы таким образом и из чувственного составить вокруг себя духовное некое училище. Так поступали сами, так советовали поступать и другим. Покоримся их мудрому совету.

Церковь и отечество торжествуют ныне восшествие на престол благочестивейшего государя императора Александра Николаевича. Но есть, братие, иное Царство, иные престолы, иное восхождение на них. Это Царство и престолы Христовы и восхождение на них христианское. Итак, возгревая особенно ныне искренние чувства смиренной благодарности Господу, даровавшему царя российскому престолу, и чувство сыновней преданности возведенному Им на сей престол возлюбленному монарху нашему как сыны отечества земного, – как сыны отечества небесного от престола земного востечем мыслию и сердцем к престолам небесным. Престолы сии раздаются в другой жизни по правосудному и милосердому определению Судии Бога, но заслужить их надобно еще здесь, еще в сей жизни надобно начать восхождение к ним, начать и бодренно продолжать до конца жизни. Полное изображение сего восхождения к престолу небесному мы видим в восхождении на троны земные. Последуем мыслию вслед сего восхождения.

Царственное лицо, от которого зависит судьба целых миллионов, и зависит не на одно только время его царствования, но и на многие последующие века, есть лицо, особенным образом призываемое на служение человечеству. Потребного для царства царя воздвигает Сам Господь. Сам

Господь непосредственно призывает и к престолонаследию небесному – и некогда прославит им только тех, коих предварительно призвал теперь. Сам собою, без сего призывания человек не стал бы и думать о сих престолах невидимых и отдаленных, когда пред ним с таким обилием рассыпаны блага ближайшие и видимые. Грешник то же, что спящий: не возбуди его – он и не встанет, не понудь – он и не пойдет. Посему Господь Сам обходит людей с милостями и прещениями, всех и каждого возбуждает Своим особенным образом – не услышит ли кто и не покорится ли Его спасительному призыванию. И что бы это такое значило? Вот все мы живем вместе, и живем по давно заведенному порядку, не подозревая никаких особенностей ни в себе, ни в других, но между тем очень часто случается, что тот, другой или третий видимо начинают особиться от нас: многое из обыкновенного между нами оставляют, многое совершают не так, иное в их поведении совсем ново; они стали между нами как странные и, однако ж, постоянно углублены, постоянно в напряженной деятельности, как бы готовятся к чему важному – как будто собираются в путь, хотят оставить нас и переселиться в другое место. Что значит такая перемена? Откуда такое отчуждение? Это Господь невидимо пришел к ним, тайно сказал их сердцу: «грядите по Мне» (Мф. 4 19), – и они, оставив все, радостно пошли вслед Его. Господь приходит с призыванием путем неведомым, как Дух, Который «идеже хочет, дышет, и глас Его слышиши, но не веши, откуда приходит и камо идет» (Ин. 3, 8). Не опасайтесь, чтобы Господь минул кого из нас. Нет, Он всем хочет спастися, ко всем приближается, всех возбуждает. "Стою, – говорит, – при дверех и толку, аще кто услышит» (Откр. 3, 20). Слушать только надобно внимательнее сие призывание и, когда будет услышано, спешить отверзть заключенное свое сердце – тогда Господь беспрепятственно войдет в сие святилище и Сам вознесет на Свой престол. Своего ожесточения только надобно бояться и упорства, а не забвения и оставления Божия.

Лицо царственное бывает царского рода. И наследниками Божиими, сонаследниками же Христовыми могут быть рожденные от Бога. «Аще кто не родится водою и духом, –

говорит Господь, – не может вниги в Царствие Божие» (Ин. 3, 5). В Царстве Христовом все будет ново – и небо, и земля (Откр. 21, 1); как же можно войти в него, пребывая ветхим? Потому надобно совершенно переродиться и обновиться тому, кто ожидает престолонаследия небесного. И чистосердечно внявший Божественному призыванию всегда прямым путем доходит и до сего существенного обновления во всей своей жизни и во всем поведении. Ибо лишь только склонит он внимание к Божию гласу, как в душе его начинает совершаться чрезвычайный переворот. Мысли текут за мыслями, представления одно другого поразительнейшие с особенною силою и действенностью проходят до самой глубины сердца и то умягчают его милостями, то поражают страхом, то ужасают близостию смерти и суда, то воодушевляют упованием. Человек ощущает тогда всю непотребность своего поведения, вполне сознает свою виновность в том, стыдится даже имени человека, униженного им, поражает себя ненавистию и презрением, трепещет Бога, Которого зрит мысленными очами, и в чувстве сердца испытывает огненные мучения ада. Но воскресаясь упованием спасения во Христе Иисусе, он, в благодушии припадая, молится, проливает слезы, дает уверительный клятвенный обет никогда не возвращаться на путь неправды, оставить все и ничего не знать, кроме заповедей Христа; готов на все, даже на смерть, только бы избавил его Господь от гибели и утешил мятущееся и умученное сердце. Господь видит произволение человека и не медлит освятить его Своим благословением и запечатлеть благодатию Духа в таинствах Церкви. Тогда сердце, исполненное радостью, в пламенной ревности о славе Божией вступает на путь правды с воодушевленной решимостию никогда не оставлять его, хотя бы это стоило пота, крови, жизни. С сей минуты начинается у него совершенно новая жизнь – жизнь по духу Евангелия и внушениям благодати. «Всяк рожденный от Бога греха не творит, яко семя Его в нем пребывает, и не может согрешати, яко от Бога рожден есть» (1Ин. 3, 9).

Рожденный от царя будущий царь проходит царственное воспитание, в котором научается он высокой науке царствовать. Воспитываются и рожденные от Духа, призванные к вечному престолонаследию, – воспитываются среди глубоких скорбей и душевных болезней. «Страданьми ...подобаше... совершити ...Начальника спасения нашего» (Евр. 2, 10); «многими скорбьми подобает... внити в Царствие Божие» (Деян. 14, 22) и всякому идущему вслед Его. И «блажен человек, который претерпит искушение, потому что, прошедши испытание, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его» (Иак. 1, 12). Сердечные болезни, искушения и скорби неминуемо встретят восходящего к престолу небесному. Душа, повинувшаяся призыванию, восходит до воодушевленной решимости жить и умирать только для Христа. Но такая решимость, свидетельствующая о совершившемся в душе возрождении, есть только начало христианской жизни, а не полнота ее, есть только первое вступление на путь к Небу, а не совершение его. Душа здесь ненавидит грех, но он еще живет в ней; ненавидит гнев, зависть, гордость, тщеславие и все порочные чувства, но они еще в сердце и поминутно прорываются из него как темные облака, стремясь затмить только что воссиявшую зарю духовной жизни. Мужественная душа вступает теперь в жестокую брань с собою – брань, которая мучительнее и болезненнее всякой видимой брани, ибо здесь собственное существо разделяется на части, собственное сердце поражается, своя как бы кровь проливается собственной рукою. Блажен, кто претерпит сие скорбнейшее испытание. Но оно еще не окончится, как настанет и другое. Нередко встретит человека на пути добродетели всеобщее нерасположение – презрение, насмешки, укоризны, ненависть, даже злоба, уготовляющая гонение и смерть. К сим искушениям, лютым и самим по себе, присоединяются наконец еще лютейшие – коварства и козни духов злобы, кои спешат обыкновенно противостоять сами, коль скоро не успеют соблазнить ищущего правды чрез своих клеветов. Иногда же все сии соблазны извне и внутри облегают работающую Господу душу с такою силою и обилием, что, как в водах потопленная, она с сильным воплем обращается к

Господу и взывает: «о, Господи! спаси же! о, Господи! благопоспеши же!» (Пс. 117, 25). Вот неперенные спутники восхождению на Небо. Крестный путь есть единственный путь к небесному венчанию, скорби – лучшее училище благочестия и совершенства для имеющих восседать на престолах в Царстве Христовом. Там множество будет престолов разного достоинства и славы, но все они суть престолы мученичества, являющегося на земле в бесчисленных видах! Кто не испытал болезней внутренней брани, кто не страдал за Христа каким бы то ни было образом, тот тщетно надеется венчаться в Царстве Христовом.

Наконец, наследник престола в свое время получает царский венец и восходит на престол. И душа, прошедшая все степени христианского совершенства, перешедши в другую жизнь, праведным судом Божиим возводится на престол за победу над собою и венчается венцом или смирения, или благотворительности, или послушания, или целомудрия, или другим каким, смотря по подвигу и труду, которым трудилась. В настоящей жизни каждый человек приходит в мир с особенным характером, который, если рассматривать его в отношении к греху, располагает душу по преимуществу к одному какому-нибудь порочному желанию, источнику и всех других порочных желаний и действий. Так, от природы иной чувствителен наиболее к чести, иной к чему другому. Ревнующая о самоисправлении душа по преимуществу и направляет все свои силы туда, откуда, как из источника, истекает все зло, покрывающее ее, к господствующей своей страсти, с нею борется, ее побеждать напрягается. А потому в день наград и получает особенный, себе только свойственный венец – венец кротости за победу над гневом, венец воздержания за победу над плотью, венец милосердия за победу над своекорыстием и прочее. Вообще же получают сии венцы и воссядут на сии престолы только победители.

«Побеждающему, – говорит Господь, – дам сести со Мною на престоле Моем, якоже и Аз победих и сдох со Отцем Моим на престоле Его» (Откр. 3, 21). Есть люди, от природы получающие известные добрые качества. Иной от природы

кроток и незлобив, иной послушлив, иной другими украшен добродетелями от рождения. Такие не увенчаются за сии добродетели: они не трудились над собою, не побеждали себя, не потом и слезами возделали в сердце сии добрые качества, а получили их от Бога. Но увенчается только тот, кто от природы гневлив и приобретает незлобие, кто от природы склонен к невоздержанию и является воздержным, кто от природы своенравен, и мы видим его благопокорным и послушным. Таковой поистине есть великий победитель естества и мученик.

Вот, братие, единственный путь, ведущий в Царство Христово! Вот степени восхождения к престолу небесному! Кто нейдет по сему пути, тот идет не в Царство Христово; кто не стоит на какой-нибудь из сих степеней, тот еще не начинал восходить к небесному престолу. Все восседшие на Христовых престолах на Небе взяты от земли и пришли туда по сему пути, открытому нам Самим Иисусом Христом. И всякий раб Иисуса Христа, повинующийся воле Его, смиренно преданный руководству Его, ревнующий о своем исправлении по силам, творящий добро сколько знает и может, да успокоится в воле Божией. Такая надежда свята и праведна. «Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, ...порождей нас в упование живо» (1Пет. 1, 3), да возродит и укрепит и в нас сию надежду, а паче да положит глубже в нас основание сей надежды – дух благочестия христианского. Будем молить Его о сем, особенно же о возлюбленном монархе нашем, да даст ему Господь чрез восхождение на трон земной перейти и к престолу небесному. Аминь.

В день восшествия на престол благочестивейшего государя императора Александра Николаевича

7. Жаждания нашего естества и верный способ утоления их

Вот уже почти неделя, как слух наш оглашается церковными песнями о жажде. Каждому из нас внушается взывать ко Господу: жаждущую душу мою напои... И Сам Господь всех жаждущих призывает к Себе, говоря: «жаждай да грядет ко Мне и да пьет» (Ин. 7, 37). Ныне в Евангелии Спаситель беседует с самарянкою тоже о жажде. Самарянка просит Его: дай мне такую воду, чтоб мне не ходить сюда на колодезь за водою и даже совсем не иметь жажды. Господь говорит: «всяк пий от воды сея вжаждется паки, а иже пьет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки» (Ин. 4, 13–14).

Можете догадаться, что здесь рассуждается не о простой жажде, когда хочется пить воды, а о другой некоторой жажде, более ценной и более обширной. Словом жажда означаются высшие потребности человеческого духа, которым нельзя найти полного и прочного удовлетворения нигде, кроме Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа. Самарянка в сем отношении представляет образ природы человеческой, с неудовлетворенною жаждою обращающейся к Господу после того, как многократно удовлетворяла ее из колодца самоизобретенных тварных благ и все не находила покоя от жажды.

Читается нам такое Евангелие всегда весною, чтобы мы, уразумев смысл его, не бросались подобно неразумным детям на приманки удовольствий, которые открываются нам обычно в это время года, и не преставали быть в Господе – единственном источнике всеудовлетворительных благ.

Чтоб и вы сами пришли к такому же заключению, я только расскажу вам, что такое природа человеческая и чего она ищет. Вы увидите, сколько есть жажданий и как мы несправедливы к себе, удовлетворяя одну сторону и оставляя в тени и презрении другую.

Человек, как видите, не тело только имеет, но и душу, и в душе самой, или в своей внутренней жизни, не душу только, но

и дух, который несравненно выше души... Каждая из сих частей существа человеческого – дух, душа и тело – имеет свои потребности. Чувство потребности есть жаждание. Стало быть, у нас есть три рода жажданий: жаждание телесное, плотское – чувственное, жаждание душевное и жаждание духовное. Первое, плотское, ищет земных и чувственных удовольствий; второе, душевное, ищет благ житейских, или благ мира; третье, духовное, ищет благ духовных – небесных, или Бога и Божественных вещей.

Укажу еще подробнее сии жаждания... Так, в теле нашем есть потребность самохранения – есть, пить, спать; есть потребность движения – ходить, работать, трудиться, которая превращена в потребность гулять, танцевать, биться на кулачки и прочее подобное; есть потребность употребления чувств – смотреть, слышать, осязать, обонять. Три класса потребностей плотских, три рода и жажданий чувственных, которые удовлетворяются чувственными вещами, нас окружающими... Кто занят преимущественно удовлетворением сих потребностей, тот стоит на степени животного. Встал, походил, поговорил, помечтал, почитал, поел и потом опять соснул; прогулялся, повертелся, поглазел, послушал пустых речей и сам поболтал и снова спать... Вот вся тут программа жизни... Пусто; но, к сожалению, очень-очень большой круг людей сюда принадлежит. Тут жаждание утоляется на несколько часов и снова оживает и точит человека, как червь.

В душе есть потребность знания – хочется человеку все разведать и разузнать научно, или понаслышке, или чрез чтение. Поминутно слышите: что это, от чего, как, для чего?.. Эта пытливость есть у всякого. Есть потребность предприятий или дел по домохозяйству, по торговой части, по военной, ученой, судебной, гражданской или сельской жизни... Минуты не проходит, чтоб кто-нибудь не загадывал делать, и делает, и сделавши одно, берется за другое... Это – предприимчивость, забота и многопопечение. Есть потребность украшать себя, свое жилище и свою жизнь. Нужна хорошая мебель, одежда, хорошие картины, изваяния, пение, музыка и прочее подобное. Рай хочется человеку насадить окрест себя взамен потерянного. Это

– так называемые невинные удовольствия. Вот и в душе три потребности: потребность знания, предприимчивость, или попечительность, и искание эстетических удовольствий... Столько же в ней и жажданий. Тут жажда никогда не удовлетворяется, а постоянно снедает человека, несмотря на то что он и минуты не дает себе покоя. Все это знаете вы сами.

В духе есть потребность созерцания Бога и божественных вещей, удовлетворяемая познаниями духовного мира; есть потребность покоя в Боге, или покоя совести, удовлетворяемая исполнением воли Божией; есть потребность богообщения, или вкушения Бога, удовлетворяемая молитвенным исчезновением в Боге. Сколько потребностей в духе, столько же и жажданий, то есть жажда молитвенного отрешения от всего, покоя в Боге и богосозерцания, которые, не будучи удовлетворены, оставляют тоску, а будучи удовлетворены надлежащим образом, и дух упокоивают, и низводят покой в душу и тело, восполняя их недостатки своею полнотою или заменяя их способы своими, например: молитвенным возношением к Богу – эстетические удовольствия, покоем совести – многопопечительность, созерцанием Бога и вещей божественных – бесплодное искание истины научным путем.

Вот у нас три класса жажданий и по три вида жажданий в каждом классе – всех девять, как бы девять уст, из которых человек слышит непрестанный вопль: жажду!.. Всю жизнь иной человек бьется, чтоб как-нибудь заглушить сей вопль, и не успевает. Почему? Потому прежде всего, что неправильно распределяет сии жаждания. Посмотрите, как бывает: чувственные потребности стоят наперед, и об них больше заботы; затем душевные, уже в меньшей мере удовлетворяемые; а духовные считаются последними, и об них мало или совсем не бывает заботы, так что человек находится теперь в превратном положении – наверху у него то, чему следует быть нанизу. А в таком виде трудиться насытить человека есть то же, что стараться наполнить водою сосуд, обратив его кверху дном. Вот отчего и не имеет человек довольства – не насыщается, все жаждет и жаждет, несмотря на то что непрестанно хлопочет о довольстве и окружен бывает

многими благами. Таким образом, кто желает покоя, тому надо поправить сию ошибку – и обрящется покой и мир, превосходящий всякий разум. Надо, то есть, прежде всего удовлетворить дух, возведши его в богообщение, боговкушение и богосозерцание. Далее, силою духа и по его указанию и руководству удовлетворять и потребностям душевным и телесным. Бог, полнота благ, наполнив дух, чрез него низольет дополнительные удовлетворения на потребности души – на ее знания, предприятия и наслаждения, – и на потребности тела, дав им меру, и вес, и цель.

Видите теперь, когда человек может перестать вопиять: жажду! Тогда, когда удовлетворит дух чрез богообщение. Спрашивается: как это сделать? Вот как. Человек первоначально сотворен, чтоб быть в богообщении – жить в Боге и блаженствовать. Так и было. В падении он отделился от Бога и потерял богообщение. Потеряв богообщение, сделался неудовлетворимо жаждущим. Дух его ослабел, оставшись один; над ним возобладала душа с потребностями своими, сама в свою очередь подчинившись преобладанию плоти. Для восстановления падшего пришел Господь и, удовлетворив правде Божией Своими беспредельными страданиями, ниспослал Божественного Духа для того, чтоб, будучи приемлем верующими чрез таинства, Он восставлял в Свой чин дух человека, а чрез него душу и тело и возвращал, таким образом, падшему предопределенное ему совершенство – сладостную и вседозволенную жизнь в богообщении. Все сие совершается так: приходит человек в покаянное раскаяние о своем непотребстве и своей виновности пред Богом; затем верою в Господа возникает ко благонадежности спасения; далее, положив обет принадлежать Господу, приемлет таинство. Пришедшая чрез таинство благодать Всесвятаго Духа живо сочетавает его с Господом, как дикую ветвь с лозою, а чрез Господа возводит к глубочайшему общению с Богом. Преисполнившись сим богообщением, все существо человека является упокоенным, вступает в субботство в Боге, не тревожимое никакими воплями низших потребностей. Вот и вся тайна! Кто жаждет, иди ко Господу – и напьешься у Него воды, от которой пьющие не

жаждут более. А без сего показанные девять потребностей будут непрестанно томить бедную душу, не давая ей покоя, точить ее, как черви точат сердце дерева, и истощать ее, как пиявки истощают жизненные соки телесные...

Не то сие значит, чтоб вступившие в богообщение не чувствовали потребностей душевных и телесных и не удовлетворяли им, а то, что жаждание у таковых теряет свою жгучесть и неотступность и что под сим условием нисходит и к ним от Бога улаждающее вседовольство. Кто в Боге живет, тот все имеет и ни в чем не имеет недостатка или не бывает беспокоим чувствами скудости и лишения. Вот в чем вся сила!

Ныне зовет всех нас Господь: «жаждай да грядет ко Мне и да пиет..." (Ин. 7, 37). Пойдемте все к сладчайшему Господу и утолим у Него жажду свою; но так, чтоб уже не заходить после сего ни к каким колодцам, хотя бы они были вырываемы какими-нибудь знаменитостями. Аминь.

1 мая 1860 г., в неделю о самаряныне

8. Чем и как питать душу, чтоб росла духовно

Когда, проходя каким-либо пустынным местом, встретишь дерево или другое растение на песчаном, каменистом грунте, то не можешь не пожалеть о нем. Уныло стоит оно. Недостаток питательных частей в земле и воздухе истощает его. Оно видимо сохнет и чахнет и, кажется, всякому мимоходящему своим видом и состоянием внятно говорит: мне здесь дурно, возьмите меня отсюда и пересадите в другое место.

Другие совсем чувства внушает дерево, растущее при протоке воды, на земле влажной и тучной. Оно полно жизни и, наслаждаясь полным довольством, всеми частичками своего состава, кажется, поет благодарную песнь Насадителю всякой твари за эту возможность всеми устами пить питательные соки из всего, что окружает его.

Не бывают ли, братие, часто и души человеческие в подобных обстоятельствах?! Да, часто и они гибнут голодом и томятся, как в душной темнице, от недостатка того, что может питать их и доставлять им довольство. И это нередко с совершенною противоположностью внешнему пышному состоянию тех людей! Христианство – святая вера наша – или святая Церковь и Богом назначена быть местом покоища и довольственного воспитания душ человеческих... Но не все пребывают в ней, и, пребывая, не все пользуются надлежащим образом всем, что предлагает она. И здесь много душ, истощающих и измощающих себя по одному неразумию.

Вот посмотрите, как все сие бывает.

Растение, будучи земного происхождения, пищу свою получает из земли и из того, что есть вокруг его; напротив, душа, по образу и подобию Божию созданная, будучи происхождения небесного, может питаться только стихиями небесными, от Бога исходящими и к ней направленными или к ней приложенными. Так, растению нужен свет, без него оно вянет. Нужен и душе свет – небесный. Это истина Божия. Обильно предлагается она в Церкви Божией всем хотящим внимать; предлагается и в чтении слова Божия, и в проповедях,

и в песнях церковных, и во всем устроении и чинопоследованиях Церкви, и в писаниях отеческих, и во многих-многих душеспасительных книгах. Желаящие обильно черплют здесь свет истины Божией и веселятся под осиянием ее. Но не все же так делают, и не все по виду кажущееся быть вместилищем истины Божией в самом деле вмещает ее. Есть люди, кои дни и ночи просиживают над изучением какой-нибудь науки – математики, физики, астрономии, истории и прочего, – думая, что питают душу истиною, а душа их чахнет и томится. Отчего? Оттого, что нет истины в тех местах, где хотят ее найти! Не потому так говорю, чтоб науки не могли вмещать истины, но что нередко она бывает оттуда изгнана и замещена то мечтаниями, то предположениями, противными истине. А ведь души не обманешь, как не обманешь голодного, давая ему камень вместо хлеба. Вот она и томится!

Но это будто еще дельные занятия – ученость. А что сказать о жадно читающих периодичную нашу письменность? Посмотрите, с каким усилием добивается молодой, а иногда и немолодой человек поскорее получить обычный месячный выпуск, с какою неудержимостью бросается пожрать, как говорят, полученную добычу! Тут и пища на ум нейдет, и сна бывает мало. А какой плод?! Две-три удачные фразы, две-три льстящие фантазии, два-три обманчивые предположения – и все тут... прочее никуда не гоже. И душа недовольна. Берется другая, третья книга... все то же... Душе больно!

Заводятся взаимные беседы... все то же, потому что и предметы бесед, и образ трактования их берутся из тех же книг... Приложите к сему мелочность обыденных занятий и соотношений, и вы поймете, что, если б открыть тот слух, которым слышится речь души, вы услышали бы горький в ней вопль: изведите меня из сей темницы, мне тошно здесь! Дайте мне взглянуть на Божий свет! Так это и есть. Но кто послушает?! Видите, тут не в тоне питать душу истиною Божиею! И ее томят. И добро бы далеко было идти за сею истиною. Нет, она тут же, но не хотят открыть очей, чтобы воспринять свет ее. Войди в церковь, послушай, что здесь поется, читается и действуется, – и узришь свет истины Божией. Раскрой Евангелие или хоть в

руках поддержи сию Божественную книгу – и то отраднее будет душе твоей. А отеческих писаний разве мало у нас теперь в доступном для всех переводе? А других духовных книг и повременных духовных изданий сколько?! Но всех сих сокровищниц истины Божией мы не знаем, даже и имен их не слышали. Братие и отцы! Что ж это мы за христиане, когда и в руки не берем тех книг, в которых изъясняется христианство, а читаем не зная что? И мучим душу в душной темноте – мы, «сыны света и... дня» (1Сол. 5, 5), как назвал нас святой апостол?!

Приложу и еще одну или две мысли. Растению, чтоб жить и расти, нужен воздух. Без него оно замрет. Нужен и для души воздух небесный. Это, как я не раз говорил уже вам, вся церковность, или все боголепные священнодействия Церкви. Тут только душа и бывает как бы в своей атмосфере, а вне ее – удушливо. Как чахнет чахоточный, так чахнет душа вне Церкви, в пространных будто обычаях мира. И вот отчего: кто только и знает, что балы да театры, гулянья да вечеринки, живые картины да фиглярство и подобное, душа того глубоко ноет и томится, когда останется он один – сам с собою! Она говорит ему тогда: мне душно... возьми меня отсюда – и введи туда, где всегда воздух чист и небо светло.

Для растения нужна влажность – соки, которые пьет оно корнями и, проводя в ствол, образует себя переделанною осадкою их. Нужно своего рода переделание и осадка духовных соков и для души. Сие совершается повседневным доброделанием, или исполнением заповедей, к каким случаи представляет обыкновенное течение жизни нашей. Как соки в растении или пища в теле нашем, оставаясь непеределанными, обременяют только и тяготят, не принося пользы, так все духовные стихии, какие приемлет душа – истина Божия, таинства и священнодействия и прочее, – будут только тяготить ее здесь и вечно судом совести и Божиим, если она не претворит всего того в свою кровь духовную доброделанием. Вот отчего больны, скорбны и унылы души людей, кои погружены в одни заботы житейские или одни дела служебные и еще хуже – в дела страстные, а о том, чтоб сделать какое

добро, и помышления не имеют. Не пропускают они ни одной частички питательной в душу, и она сохнет-сохнет. Не потому так говорю, чтоб дела службы и дела житейские – хлопоты по семейству, торг, обороты разные и разные предприятия – были пагубны для души... Нет. Не они сами по себе пагубны, а пагубно то, если ими только одними и занимаются, не заботясь о добродетели, и если, совершая их, совершают не во славу Божию, а для каких-нибудь самолюбивых целей. Как соки в нашем теле обращаются в живую кровь чрез соединение их с кислородом воздуха, так все дела и служебные и житейские могут обращаться в питательную для души стихию, если будем их посвящать все Богу! А когда сего нет, нет притом и добрых дел, то чем питаться душе?! Вот она томится тогда, и жалуется человеку, и внятно говорит ему: пересади меня с этой сухой или гнилой почвы на ниву Божию, ниву добрых дел, заповедями Христовыми требуемых.

Вот и все! Но все сие вы ведаете, братие! Ведаете, что душа, обильно осияваемая светом истины Божией, содержащая в чистом и небесном воздухе молитвований и священнодействий Церкви и подкрепляемая питательною пищею добродетеля, подобна дереву, насажденному «при исходящих вод, еже плод свой даст во время свое, и лист его не отпадет» (Пс. 1, 3). А другая, лишаемая всего сего, подобна благородному растению, с ожесточением держимому в таком месте, где ни света, ни воздуха чистого, ни влажности... и чахнущему! "Сия весте. Но блажени есте, аще творите я» (Ин. 13, 17)! За что тиранишь ты, человек, душу свою, в неразумии и ослеплении предаваясь буйству жизни мирской?!

Эти мысли предложить вам внушил мне нынешний день, посвященный святому Иоанну Лествичнику, пустынножителю и наставнику в пустынножительстве. Многим кажется, что пустыня или какая-нибудь иноческая обитель есть место сухое, ничего питательного для души не представляющее. А вот посмотрите на дела святого Иоанна, разверните «Лествицу» его, прочитайте в ней что-нибудь – и увидите, как много в нем было жизни и сил! Пустыня истощает только плоть, а душу обильно питает всякою небесною пищею. Мир вам кажется тучным, но он утучняет

только плоть, а душу морит голодом, ни малейшей даже частички питательного не представляя для нее. По сему различию устраивайте и жизнь свою все хотящие возрастить душу свою – в древо живое, достойное пересадки в рай небесный. Аминь.

13 марта 1860 г., в 4-ю неделю Великого поста

9. В силу Вознесения Господня надо нам сознавать себя вышними и вышних искать

Вознесся Господь во славе на Небеса. Как же это вознесся Тот, Который, яко Бог, есть «везде сый и вся исполняяй»?! Это человечеством вознесся Он. Это человека в Себе вознес Он на Небеса.

Вознесся Господь и сел одесную Бога и Отца. Как сел одесную Бога Тот, Который неотлучно всегда с Ним пребывает, единоцарствен и сопрестолен? Это человечеством сел Он одесную Бога, это человека в Себе ввел Он в соцарствование Богу, в промыслительное державствование над всем видимым и невидимым.

Так исполнилось Божие о нас благоволение. Сын Божий, сошедши на землю, восприял на рамо Свое человека, как овца погибшее, и принес его ко Отцу Своему. Прославим благость и премудрость Человеколюбца Бога. Не бросил Он нас и не предал пагубе нашей, но посрамил злобу врага и, обожив в Себе естество наше, спасительно даровал нам то, чем на пагубу прельщены были мы вначале.

Отрясем же ныне, братие, брэнность мысли нашей и, востекши умом на Небо, станем у престола Божия, у ног прославленного в Господе человечества, и будем поучительно созерцать оно.

Видите, как возвеличено естество человеческое в Господе: оно обожено, оно соцарственно Богу, оно превышает всякого начала, и власти, и силы. Возревнуем же не унижать сего естества в себе самих грешными делами, греховными мыслями и расположениями, срамными страстями телесными и душевными. Каков Небесный, таковыми подобает быть и нам, как призванным быть небесными. Каков Глава – Господь, таковы да будут и члены – все верующие; каков Первороденный, таковыми должны быть и все те, ихже братиею не устыдился нареци Он (Евр. 2, 11). Господь – новый родоначальник. Поколение Его духовно создается из всех племен земных. В числе их и мы, и вместе с ними должны

составлять «род избран, царское священство, язык свят, людей обновления, яко да добродетели возвещаем Его – из тьмы нас призвавшего в чудный Свой свет» (1Пет. 2, 9). Поревнуем же быть совершенными, как Отец наш Небесный совершен. Молился Господь о нас, чтоб, как Он едино есть со Отцем, и мы в Нем едино были (Ин. 17, 11). Верую и благодатию мы введены в единение сие. Какими же ревнителями жизни по вере подобает нам быть, чтоб явить себя стоящими в чине своем?! Таково "убо имущее" избрание, «о возлюбленные, очистим себя и чистыми всегда будем держать себя от всякия скверны плоти и духа» (2Кор. 7, 1).

Сие помышление и запечатлеем в сердце нашем, да не согрешаем. Но и «аще кто согрешит, Ходатая имаemy ко Отцу, Иисуса Христа Праведника» (1Ин. 2, 1). Вначале согрешили мы и отпали от Бога. Соединяясь с Иисусом Христом, воссоединяемся с Богом. Но если и тут согрешаем – снова отпадаем от Бога и Спасителя Иисуса и вместе с тем лишаемся всех преимуществ, даруемых нам в Нем. Что же теперь делать тем, кои снова отпадают в грехи? Упал – встань. Согрешил – покайся. Но никак не отчаивайся и отчаянием не предавай себя в руки падения своего. «Ходатая имаemy ко Отцу, Иисуса Христа Праведника». Смотри, Он сидит одесную Бога Отца и ходатайствует о нас. Как первосвященник, Он «с кровию ...Своею... вниде... во святая святых», «в самое Небо» (Евр. 9, 11–12, 24), да явится лицу Божию о нас, «всегда жив сый, ...еже ходатайствовать о нас» (Евр. 7, 25). Ходатайство Господне будет услышано и удовлетворено. Надо только привлечь к себе сие ходатайство искренним раскаянием и неколеблущеюся и недвоящеюся решимостию отстать от грехов, какими враг успеваеет опутать души льстивыми обещаниями безвредности и ненаказанности грехов. Приидите же, припадем и восплачемся пред Господом, сотворшим нас, спасшим и спасающим.

«Бог, ...богат сый в милости, – пишет апостол Павел, – за премногую любовь Свою, еуже возлюби нас, и сущих нас мертвых прегрешеньми, соживи Христом... и с Ним воскреси и спосади на небесных во Христе Иисусе» (Еф. 2, 4–6). Так вот где место-то наше? Стало быть, не следует нам жить на земле так,

как бы мы здесь вечно должны были жить, но так жить, как живут на чужой стороне. Странники телом живут на чужой стороне, а умом и сердцем всегда в отечестве своем. Так и нам заповедует апостол: «Аще... воскресните со Христом, вышних ищите, идеже есть Христос одесную Бога сидя. Горняя мудрствуйте, а не земная. Умросте бо, и живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе» (Кол. 3, 1–3). Во Христе Иисусе мы уже на Небе, надлежит переселиться туда и умом и сердцем – да будет там и сердце наше, где есть сокровище наше (Мф. 6, 21). Туда все и направлять надо – мысли, слова и дела. Туда и все заботы, и все земное наше пребывание так устроить, чтоб оно было приготовлением к вечному блаженному пребыванию на Небе со Христом Иисусом, Господом нашим. На земле живучи, нельзя не делать земного и житейского. Но все сие можно вести так, что оно будет путем, ведущим туда, «идеже есть Христос, одесную Бога» (Кол. 3, 1). Богатство есть – туда предпошли чрез бедных. Власть есть – тамошнее господство стяжи умножением благотворных действий. Дарование есть – не зарывай талантов в землю, пусти в рост, да верный в мале над многим поставлен будешь (Мф. 25, 21). Силы есть – трудись, да вкусишь там от трудов своих. Даже бедность есть, скорби есть, болезни есть – и сие все безропотным терпением, благодушием и благодарением обрати в средство к стяжанию вечного довольства. «В премудрости ходите ко внешним», – заповедует апостол (Кол. 4, 5). «Блюдите... како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дние лукави суть. Сего ради не бывайте несмысленни, но разумевайте, что есть воля Божия» (Еф. 5, 15–17).

Собрав воедино сии немногие мысли, мы получим такой урок от Вознесения Господня. Сознав, что «наше... житие на Небесех есть, отнюдуже и Спасителя ждем, Господа нашего Иисуса Христа» (Флп. 3, 20), как и ангел сказал святым апостолам, смотревшим вслед возносящегося Господа (Деян. 1, 11), – со усердием потечем «к почести вышнего звания... о Христе Иисусе» (Флп. 3, 14), «елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродетель и аще кая похвала, сия

помышляя» (Флп. 4, 8), претыкаясь и вставая, но никогда не ослабевая в ревности, «задняя... забывая, в предняя... простираться» (Флп. 3, 13).

«Тако тецые» (1Кор. 9, 24). И если так будете тещи, несомненно, достигнете того, чего все чаем благодатию Господа, вознесшегося на Небеса и сидящего одесную Бога и Отца. Аминь.

28 мая 1864 г., на Вознесение Господне

10. Подражай святой Марии Египетской в покаянии и самоисправлении

Нынешнее воскресенье посвящается памяти преподобной матери нашей Марии Египетской, и мы уже восхваляли ее вместе с Церковью на всенощной в пениях и песнях духовных и помолились ей о помощи нам в трудном деле исправления своей жизни и своего нрава. Теперь будем учиться у нее сему делу. Святая Церковь, предлагая нам пример Марии Египетской, хочет внушить: если хотите каяться и исправлять жизнь свою как должно, вот как кайтесь и исправляйтесь! Но так ли поступали вы в продолжение поста сего? Если так, добро вам... А если нет, вам еще остается две недели: успеете поправить неисправное или дополнить опущенное. Только не нерадите.

Но скажет кто: Мария Египетская – пример для подражания! Неужели же всем надо бежать в места необитаемые, в пустыню, в горы? Нет, не всем. Но всем должно подражать ее трудам в самоисправлении, ее твердой решимости переменить жизнь и тому, как она дошла до сей решимости. Вот стороны подражаемые! Как дошла преподобная Мария до решимости переменить жизнь? Господь довел. За что? За то, что при всей неудержимости одолевавшей ее страсти она никак не думала оставаться навсегда в сем горьком рабстве. Она терпела насилие со стороны плоти и врага, действовавшего чрез сию плоть, и поддавалась увлечению, но не предавала себя ему вконец. Господь сжалился над страданием твари и пришел высвободить ее из томивших ее уз. В этом урок из самой грешной части жизни святой Марии Египетской.

Так, если кто имеет несчастье состоять в рабстве какой-либо страсти плотской или душевной, возымей по крайней мере столько крепости, чтоб не отдаться ей безвозвратно, не будь подобен тем, кои, «в нечаяние вложшися, предают себя студодеянию» (Еф. 4, 19). Страсть точно вяжет человека и, как ведомого, ведет его на дела, удовлетворяющие ей; но ты и при узах рабства обнаруживай по крайней мере нехотение таких дел

– оставайся недовольным ими. Не говори: ну уж, верно, так и быть... пусть ее будет, как было, или пусть текут дела, как текли. Но подобно тому, кто, не имея сил противостоять, когда его влекут связанного, по крайней мере упирается ногами, и ты, несмотря на силу страсти, тебя влекущей, хоть чем-нибудь показывай ей противление, говори ей: ну уж в последний раз, больше не поддамся; и хоть еще падешь – опять то же говори, и так далее; только говори не языком одним, но и сердцем и ко Господу вопий о помощи. Как тот, кого враг, связавши, ведет в плен, оставя ему незавязанными уста, хотя влечется вслед его, но, имея возможность кричать, кричит, не услышит ли кто и не освободит ли его, – так кричи и ты ко Господу: «Господи, прежде даже не погибну, спаси мя; Господи, прежде конца даруй мне покаяться...» И услышан будешь. Как дитя повитое, лежащее в колыбели, хотя не может двинуться ни руками, ни ногами, но криком своим берет за сердце мать свою и, как ужем, привлекает ее к себе, так, если будешь вопиять, и ты привлечешь к себе Господа, Который сказал, что скорее мать забудет дитя свое, нежели Он забудет вопиющих к Нему (Ис. 49, 15).

Когда же наконец придет к тебе Господь, внимай тогда, брат, и непусти себе не воспользоваться как следует сим великим к тебе снисхождением Божиим. Ты будешь тогда походить на святую Марию, когда она пред входом ко гробу Господню была поймана судом Божиим. Как она, пораженная силою невидимую, долго не раздумывала, а тотчас пришла в сознание, что причиною сего – грех ее, и тотчас же положила намерение отстать от сего пагубного греха своего и никогда уже не возвращаться на него – так надлежит сделать и тебе. Внимай же! Когда сильное ли угрызение совести, или страх суда и смерти, близость ли опасности, как меча над главою, или чувство величия Божия и великой Его благодати, или другое что поразит глубоко сердце твое и потрясет все составы твои, так что ты будешь чувствовать, что как бы спали с тебя все узы, теснившие тебя дотол, – знай, что это благодать Божия коснулась тебя и дает тебе свободу вступить на путь добра – свободу, которой прежде у тебя не доставало. Внимай! Минута

сия дорога! То, что ты чувствуешь в ту пору, есть дело благодати... Приложи сюда и свое дело, именно вот что – скажи: «Скверно жил я, поблажая страсти... С сих пор не буду...» Затем, исповедав и прияв разрешение, держись положенного обета.

Так сделала святая Мария. Не отлагала она намерения переменить жизнь до завтра, нет, а тотчас решилась – и сделала... Так должно всякому. Благодать, пришедши, точно разрешает узы страсти, но если кто тотчас не решится отстать от дел страстных, то опять заковывается в сии узы. Когда ангел явился Петру апостолу в темнице, узы его спали (Деян. 12, 7), но если б он не пошел потом вслед ангела вон из темницы, а остался в ней, пришел бы страж темничный, заковал бы его снова в кандалы и запер темницу... и остался бы святой Петр по-прежнему узником. Так снова облегают узы страсти всякого, кто, ощутив действие благодати Божией, освобождающей его от страсти, не решается тотчас переменить жизнь свою, а отлагает то до другого времени. Не отлагай же, брат! Ибо не знаешь, придет ли еще когда такая благоприятная минута.

Положив твердое намерение исправиться, надо тут же и самым делом начать сие исправление, как сделала святая Мария. Оставив все, укрепясь таинствами, напутствованная советами духовного отца, устремила она в пустыню заиорданскую – уединением, пощением и молитвою иссушать засеянные и порочною жизнью воспитанные греховные навыки. Берись и ты тотчас за труды и подвиги. Не всем, конечно, один путь по обращении. Кто удаляется в пустыню и живет один; кто идет в обитель и спасается в числе братства; кто остается в порядке общей всем семейной и гражданской жизни. Многие уже прошли всеми сими путями – и на всех были спасавшиеся и люди великие. Какой кому избрать, пусть сам решит по своему настроению, внушению Божией благодати и по совету отца своего духовного. Только ведай, что без труда не исправишься. Борьба великая предлежит всем хотящим победить плоть, воющую на дух. Чего не вытерпела преподобная Мария!.. И всякому – труд! Надо, как я уже говорил прежде, отстранить все могущее питать страсти; а это стоит труда немало. Надо

делать все, чем может питаться и укрепляться начатая новая жизнь; но и это не бывает без труда. Нужно в истине Божией поучаться, сколько можно чаще быть под действием таинств с участием в священнодействиях Церкви, бороться со страстями и творить дела добрые, противоположные страстным навыкам; но и это все – труд. А главное – что надо? Никогда не должно оставаться одному... Прилепись к духовному отцу своему, найди единомысленного тебе, углубляйся в советы святых отцов и ничего не предпринимай, не справившись во всех сих местах. Не смотри в сем на преподобную Марию. Она жила одна, но ее путь был по особенному Божию избранию. Нам же лучше держаться общего порядка жизни. Орел уединенно парит к небесам, и так высоко, что его бывает не видно. Но то – орел... Итак, трудам преподобной Марии в самоисправлении, ее постоянству в сем и неуклонной верности положенному обету подражай, а в прочем – иди общим путем спасаемых. Будь только тверд, не позволяй себе расслабляться... и, немного потрудившись, не думай, что уже все сделал, ибо конец венчает дело.

Сей блаженный конец преднапиши в уме твоём – и теки к нему, по апостолу, «задняя... забывая, а в предняя... простираяся» (Флп. 3, 13), дóндеже достигнешь места упокоения от трудов, которое уготовал Господь всем Своим труженикам. Аминь.

20 марта 1860 г., в неделю 5-ю Великого поста

11. Надлежит взять крест самоисправления: в чем он?

Предлагая в нынешний день нашему поклонению и чествованию честный Крест, святая Церковь хочет расположить нас к крестоношению, если мы еще не взяли за святое дело сие, и утвердить в крестоношении, если уже приступили к нему. Она как бы так говорит нам: «Видите ли Крест, на коем Господь волею нас ради руке распростер? Приидите же и сораспнитесь Ему. Ныне Господь со Креста приглашает каждого из вас взять крест свой и последовать Ему. Возьмите же... возьмите и не бойтесь, ибо как Господь со Креста предал дух Свой Богу и Отцу, так и вам со креста один путь – в райские обители вслед Господа, Который каждому крестоносцу, как благоразумному разбойнику, скажет: «Днесь со Мною будеши в раи!» (Лк. 23, 43)».

Не думаю, чтоб кто-нибудь стал отказываться от сего обязательства, но может случиться, что не всякий определенно знает, в чем состоит обязательное для нас крестоношение, и потому может считать себя крестоносцем, не будучи таковым. Что без креста никого на свете нет, это всякому ведомо; но в числе сих крестов есть и разбойничий крест, на коем тоже распинаются люди. Чтобы не случилось ошибки, в сем отношении весьма опасной, я укажу вам коротко, из чего слагается крест, который должно каждому из нас взять и нести...

Он слагается прежде всего из стеснения плоти и всего нашего внешнего быта и из терпеливого исполнения правил, которыми налагается сие стеснение.

Заповедь получили мы от Господа и святых апостолов распять «плоть... со страстями и похотями» (Гал. 5, 24) – умертвить "уды, сущие на земле" (Кол. 3, 5), представить «все члены тела своего орудиями правды, как прежде были они орудиями греха» (Рим. 6, 13). Иные считают это насилием, а на деле существенно необходимо быть сему так. Посмотрите, что делает в нас грех! Утверждаясь в сердце, он проникает все силы нашей души, исполняет все отправления и члены нашего

тела, учреждает по-своему наш быт домашний и по своему духу подбирает общественные соотношения и связи... Так, около грешника стоит как бы грешная атмосфера, которую производит и которую потом питается живущий в нас грех. Положив твердое намерение работать Господу, нам прежде всего должно развеять сию атмосферу – расстроить сей греховный порядок жизни и учредить всюду новые порядки, по духу новой жизни. Надобно не ходить туда, где падали мы в грех или где разжигались на грех... Если это театр – бросить театры; если гулянья – отказаться от них; если знакомства – прекратить их. Оставить во внешних наших отношениях только дела должностные или дела звания, и притом так завести их, чтоб исполнение их было по Богу, а не в угодность страстям, и потом, отказавшись от прежних знакомств, связей и способов приятного препровождения времени, учредить новые связи и новые занятия в остающиеся от должностей часы: вместо пустых бесед – беседы о духовных предметах; вместо балов и вечеров – посещения людей богобоязненных, вместо чтения журналов – чтение слова Божия и писаний отеческих и прочее тому подобное. Переменив свое поведение вовне – в обществе, надо изменить и порядок домашней жизни. Назначить другие часы для вставания и отхода ко сну, определить молитвенное правило утром и вечером, определить свой стол и время для него... и то, как садиться и как вставать из-за стола, как выходить из дома и как входить в него, на что употребить какое свободное время, как и кого принимать и как вести прием; самое украшение нашего жилья должно быть другое – надо очистить страстное и поместить назидательное, духовное. Все это делают все начинающие новую жизнь, как бы по инстинкту сей жизни. Стеснительно, конечно... Но ведь стесняется сим грех, живущий в нас, а не мы; мы же высвобождаемся из уз греха чрез сие стеснение. Это и есть одно крыло спасительного креста, который мы должны взять на себя.

Перестроив так все окрест нас, переходим к себе. И здесь ведь что ни член в теле, то седалище греха. Надо и здесь стеснить его. Стеснить надо чувства... глаз пусть не смотрит на предметы соблазнительные, ухо не слушает речей страстных,

пусть и обоняние и осязание не раздражают только что улегшегося греха. Далее, чрево наше работало сластолюбиею – надо истощить его и приучить к трезвенному насыщению; тело любило нежиться и разнеживаться во сне и бездействии – надо приучить его к труду и напряженности, к работам и бдению. А похоть, каких исходов не имела она?! Их надо преградить все. Чего не говорил язык, сей «огнь, лепота неправды» (Иак. 3, 6)? Надо связать его... самую кожу несколько озлобить жестокостями за пристрастие к одному изнеживающему. Учредив такой порядок, мы умертвим "уды, сущие на земли" (Кол. 3, 5), или «все члены тела соделаем орудиями правды» (Рим. 6, 13). Тяжело сие, но спасительно. Действуя так в отношении к телу, мы будем делать то же, что делают моющие белье, то есть полоскать, жать и колотить свое тело, чтоб вытеснить из него все греховное и страстное – и восставить его в первоначальную трезвенную чистоту... Вот и еще рог спасительного креста, который надо взять нам на себя! Все сие в совокупности и составляет то, что я назвал вначале стеснением плоти и всего нашего внешнего быта и терпеливым исполнением правил, которыми налагается сие стеснение. То есть наложив новые правила на свои внешние отношения и занятия и на свое тело, надо неопустительно исполнять их, чтоб они произвели свое спасительное действие... Каждое из сих стеснительных правил есть то же, что пластырь на рану. Пластырь не снимают с раны, пока он не сделает своего дела; так и нам надо пребывать в сем новом порядке, не изменяя его, пока установимся и окрепнем в нем, пока он так сделается для нас обычным, как прежде был обычен порядок греховный.

Но все сие есть только внешний крест... Есть еще внутренний. Об нем помяну вам коротко... Он состоит в самопринуждении и в самопротивлении. Пока человек в грехе, он не любит добра, не сочувствует ему и не думает о нем. Положив теперь твердое намерение не грешить, он сознает себя обязанным желать одного добра, о нем одном помышлять и в нем одном находить удовольствие. Но обращаясь к себе, к своему внутреннему, он не находит там сих расположений. Ум заняться хочет другим, мечтает и парит, сердце холодно к добру,

склонности воли обращены на другое. Что делать? Надо отрывать их от одного и приковывать к другому – отрывать от страстного и греховного и наклонять к доброму, бесстрастному, духовному. То есть надо противоречить себе в худом и принуждать себя на добро... И это при всяком почти деле. Например, предстоит случай помочь нуждающемуся! Совесть говорит: «Помоги», – и человек готов; но сбоку сидит корыстолюбие и твердит: «Не давай, себе нужно». Надо одолеть или заглушить сию корыстность и расположить душу на добровольное подаяние. Обидел кто. Совесть христианская говорит: «Прости», – а гордость заставляет отомстить. Надо отнять свое сердце у сей недоброй страсти и склонить его к кротости и снисхождению. Так и во всяком случае. Везде надо отрывать себя от страстного и преклонять на святое и богоугодное... В этом состоит внутренняя брань, производимая самопринуждением и самопротивлением, как бы двумя руками. Болезненна она! Как больно, когда вынимают занозу, или как больно оторвать палец, прилипший к железу на морозе, – так больно сердцу, когда его отрывают от одного, чтоб преклонить к другому. Больно сие, но спасительно. Оттого и именуется крестом спасительным, источающим богатое исцеление страстному сердцу нашему.

В сем состоит внутренний крест, или внутренняя сторона креста, в связи с описанною прежде внешнею стороною составляющая один крест, который взять на себя обязуется всякий христианин и который действительно берет на себя всякий, кто, отстав от греха, порабощается правде. Господь да благословит труды ваши, труженики Божии! Потерпите в сем новом порядке... Жгучи раны крестные только вначале, а потом гвозди распинательные начнут источать целительный елей на раны, причиняемые ими самими. Стеснительны такие порядки, но они путь в свободу чад Божиих. Потерпите! Улягутся страсти – и легким полетом воспарит дух ваш к престолу Божию и, установившись там, начнет вкушать блаженство умного лицезрения Божия прежде, чем выйдет из тела, и прежде, чем начнется день оный, за которым уже нет ни печали, ни болезни, ни воздыхания. Аминь.

6 марта 1860 г., в неделю 3-ю Великого поста

12. Завещание Господа со Креста: перечень христианских чувств и расположений

В нынешний день оканчивается чтение Евангелий. И я хочу обратить ваше внимание на то, что значит это чтение и к чему оно нас обязывает. Что значит чтение всех Евангелий во дни сии? Оно есть повторение завещания, данного нам Господом Иисусом Христом. Господь, умерши за нас, оставил завещание всем имевшим уверовать в Него – завещание, кровию Его написанное и подписанное. Всякий приходящий к Господу с верою вступает с Ним в завет и обязуется исполнить оставленное Им завещание, изображенное в Евангелиях. Завтра будут совершаться Страсти. Чрез день будет предложено чествованию нашему изображение на плащанице Господа по снятии Его со Креста, умученного и изъязвленного. Первая мысль всякого приходящего к целованию плащаницы будет мысль о завете, смертью Господа утвержденном. Истощенным видом Своим и язвами Он будет напоминать каждому из нас: «Помните ли и исполняете ли завещание Мое, которое исполнять вы обязались, вступая в завет со Мною?» Чтоб всякий христианин пред плащаницею мог добросовестно ответить: «Да, Господи, помню завет Твой и знаю завещание», – святая Церковь постановила прочитывать пред страданиями Господа все Евангелия, чтоб обновить в памяти каждого всю картину обязательств, завещанных Господом.

Вот зачем читаются все Евангелия в дни сии! Что же, достигается ли цель? Да, в большей или меньшей мере всякий знает, чего ожидает от него Господь как от христианина. Но может быть, не всякий ясно представляет себе все существо дела, завещанного нам; не подводил, может быть, под один обзор всех обязательств, налагаемых Завещателем; не изображал в одной общей картине всего, сюда относящегося? Берусь помочь вам и изобразить все содержание завещания Господня в одном небольшом очерке. Это поможет нам пред лицом Господа страждущего или более укрепиться в жизни,

если она исправна, или побудить нас изменить ее и исправить, если она неисправна.

Известно вам, что существо христианства состоит в восстановлении падшего человека. Человек в творении назначен быть в общении с Богом, чтоб жить в Нем и блаженствовать. Преступлением заповеди он отпал от Бога, потерял истинную жизнь и должен был страдать и временно, и вечно. Единородный Сын Божий, приняв на Себя человеческое естество, оживотворил его в Себе, смертью удовлетворил правде Божией и возвратил человеку блаженство в Боге. Для того чтоб людям можно было усвоить сии блага во все времена, Он учредил на земле святую Церковь – дом спасения и двор спасаемых. Всякий теперь желающий достигнуть своего назначения – вкусить блаженства от общения с Богом – может сподобиться сего не иначе, как чрез общение с Господом Иисусом Христом во святой Церкви... "Никтоже может приити ко Отцу, – говорит Господь, – токмо Мною..» (Ин. 14,6). В сем состоит существо завещания Его к нам. Отсюда само собою видно, что более частные пункты сего завещания касаются: 1) пути восхождения ко общению с Иисусом Христом, 2) пребывания в Боге по общению с Господом и 3) пребывания в Церкви, где находятся все силы и способы к совершению того и другого.

1) Как восходят в общение с Господом и что вследствие того лежит на нас?

Путь восхождения к общению с Господом состоит в следующем. Приходя в раскаяние в своих грехах, человек готов бы пасть в отчаяние, если б не предстоял ему Господь с заслугами. Усвоив же себе их верою в Господа Иисуса Христа, он возникает к надежде спасения и, приемля Божественные силы, полагает намерение работать Господу вся дни живота своего, – и за то чрез таинства соединяется с Господом. Вследствие сего вот что от всякого христианина требуется:

а) знай и познавай свою бедность и окаянство – что ты нищ, и слеп, и наг, и погибал бы временно и вечно, если б не Господь;

б) знай и возрастай в познании Господа Иисуса Христа, пришедшего в мир грешников спасти. Он удовлетворил правде Божией за тебя, оживотворил тебя в Себе и спосадил одесную Отца – на небесных;

в) веруй полною верою, что Господь, спасший мир весь, и тебя спасает, – и взывай к Нему с Фомою: «Господь мой и Бог мой» (Ин. 20, 28);

г) вследствие сего уповай спасенным быть. Содержи в сердце, что опасность уже миновалась, но не предавайся беспечности и неге, а ходи в делах самоотвержения, забвение которого тебя ввергало в беду столько раз;

д) возгревай чувство мира с Богом. Созерцай в духе светлое благоволительное к тебе лице Божие, но не ослабляй не только страстям, но и помыслам страстным и всякий раз, как они прорвутся против воли твоей, спеши очищать себя слезами покаяния или и всегда пребывай в слезах покаяния, омывая ими всякую нечистоту;

е) носи в сердце убеждение, что ты сын Богу, коему дана власть взывать к Нему: "Авва Отче" (Гал. 4, 6), – и, помня сие, действуй как бы от лица Божия, в видах Божиих, для Бога, всегда во славу всесвятого имени Его. Вот первый ряд чувств и расположений, завещанных Господом!

2) Вступив в общение с Иисусом Христом, а чрез Него воссоединившись с Богом, человек становится пред лице Бога, от Коего отпал было, и созерцает Его в бесконечных совершенствах Его и в Его делах творения, промысления и совершения всего... И вот какими чувствами и расположениями должен исполняться каждый при сем! Вот чего вследствие того от каждого из нас требует Господь:

а) созерцая Бога сокровеннейшим, непостижимым, изумляйся Ему. Да замолкнет в тебе всякое помышление, как молчит пред Ним всякая тварь небесная и земная;

б) созерцая Его бесконечно великим, падай пред Ним в уничижении, проникаясь благоговейным страхом и трепетом;

в) созерцая всесовершенным, хвали и славословь Его, вместе с хорами ангелов взывая к Нему: «Свят, свят, свят Господь Саваоф, исполнь вся земля славы Твоя!» (Ис. 6, 3);

г) созерцая Его вездесущим, всевидящим и всеисполняющим, ходи пред лицом Его так, как ходил бы пред царем, на тебя смотрящим;

д) Бог сотворил тебя и хранит, ты весь Его. Покорствуй же Ему, как Владыке жизни, в чувстве всесторонней зависимости от Него;

е) Бог, сотворивший тебя, и промышляет о тебе – стало, все твое Его есть. Благодарим же Его за все. Благодушествуй и терпи, если найдет на тебя что неприятное, и никогда не попускай ослабевать в тебе чувству довольства распоряжениями промысла о тебе самом;

ж) Бог, всем управляющий, ведет тебя к своему назначению. Следовательно, все, что будет с тобою, будет от Бога. Итак, предай себя в волю всеблагого Бога, Который лучше тебя знает, что тебе нужно, успокойся в Нем, не позволяя себе терзаться пустыми недоумениями и крушениями духа, и, питая полную надежду, что Он приведет тебя к своему концу, возносись к Нему умом и сердцем в молитве;

з) Бог, все сотворивший и всем управляющий, положит конец настоящему порядку вещей, преобразит небо и землю и водворит вечное Царство блаженства для человека. Итак, ожидай сего второго пришествия Господня и не только верь ему, но и желай и приготавливайся сретить Его на всякий час. Готовься к смерти; помни суд, рай и ад и будь как странник на земле. Вот второй ряд чувств и расположений, завещанных Господом!

3) Вступающие в общение с Иисусом Христом, а чрез Него с Богом, не иначе достигают сего, как в святой Церкви, по ее указанию и руководству, и не иначе утверждаются и пребывают в сем общении, как пребывая в общении с Церковью. В Церкви все необходимые для сего благодатные средства, и все в ней, пользующиеся сими средствами и к Богу обращающиеся, становятся единым телом, исполненным единым духом. Церковь есть дом спасения, или сосуд благодатных средств, и двор спасаемых.

А. Церковь есть дом спасения, или сосуд благодатных средств. Итак, к ней обращайся и в ней ищи удовлетворения твоим нуждам духовным. Все, что тебе нужно, найдешь в ней:

а) тебе нужно просвещение ума – Церковь есть просветительница. Верь и содержи в сердце, что она одна есть «столп и утверждение истины» (1Тим. 3, 15), и в ней ищи сей истины – в слове Божиим, в отеческих писаниях, в наличном учительстве церковном. По руководству сего просвещения ищи и всякого другого и им поверяй его;

б) ты слаб, тебе нужно подкрепление – Церковь есть подательница благодати и воспитательница духа благодатного. Семь сосцов открыты у матери нашей – семь таинств. Приступай к ним верою и напойся из них живоносными силами по нуждам своим и потом возгревай их хождением во всех уставах и чинопоследованиях Церкви – постах, говениях и во всем прочем;

в) ты окружен врагами, тебе нужно ходатайство и защита – Церковь твоя ходатаица и защитница. Ходи в храмы Божии. Собирая чад своих, Церковь низводит на них ходатайственную свою силу... Здесь Жертва бескровная, здесь хоры ангелов и святых, здесь молитвования на всякую потребу душевную и телесную... Сюда прибегай и молитвою церковною ограждай себя.

Б. Церковь есть двор спасаемых. Все верующие – одно тело с одним духом. Итак:

а) пребывай со всеми в единении духа; пребывай в единомыслии, не ища самостоятельных взглядов в делах веры, от которых ереси; пребывай в сочувствии со всеми и в готовности содействовать благу всех. Это три стихии истинной любви, которая далее научит тебя всякого брата встречать с благорасположением, с благожеланием и благопопечением; научит каждого честию больше себя творить и блюсти чистым лицо ближнего; научит всем жертвовать для блага его душевного и телесного и в постоянном взаимобращении быть искренно радушным, скромным, миролюбивым, уступчивым, истиннолюбивым и прочее; научит так держать себя не только в отношении к благодетелям и друзьям, но и ко врагам и недоброжелателям;

б) церковь – двор спасаемых; все верующие – одно тело с одним духом... Ревнуй же всю ревностью о том, чтобы пребывать

в единении с нею и себя подвести под один с нею дух. А для сего помни обеты, данные при вступлении в нее в крещении, и чаще возобновляй их в памяти; отвергнись себя и непрестанно приноси себя в жертву Богу; пожри Ему ум свой и восприими ум Христов; пожри волю свою и ходи только в воле Божией; пожри сердце свое и ничего не люби, кроме Его; пожри Ему тело свое в трудах и озлоблениях телесных спасения ради. Трезвися и бодрствуй и чувства свои храни нерассеянными... Вот третий ряд чувств и расположений, завещанных нам Господом!

Есть еще особые завещания родителям и детям, мужьям и женам, слугам и господам, начальникам и подчиненным, пастырям и пасомым, продающим и покупающим, судьям и судимым – всякому званию и состоянию; но они понятны уже из первых завещаний сами собою... Всюду господствующим да будет дух любви и самоотвержения в ревновании творить во всем единую волю Божию, которой должна быть посвящена вся жизнь.

Вот краткое начертание завещания, оставленного нам Господом, и вот что воспроизвести в уме нашем хочет Церковь, прочитывая нам все Евангелия в эти дни, чтобы непостыдным лицом представить нас к подножию Креста, на коем висит Завещавший нам завет сей, – представить по крайней мере знающими, если не всецело исполняющими... Но, братие, что в знании?! Оно только обличит нас! Понудим немного душу свою, не возревнует ли она приложить к знанию и дело?! Мало времени?! Нет, не мало. И в одну минуту можно все поправить... Сделаем вот что: поверим свою жизнь по предложенному начертанию и все, что найдем неисправным, омоем слезами покаяния, положим твердое намерение быть исправными в тех частях, в которых доселе были неисправны. Страждущий за нас на Кресте Господь и намерение примет как самое дело, лишь бы оно было искренно и сопровождалось готовностью устоять в нем до положения живота. Обрадуем хотя этим Господа в сии дни воспоминания Его... В Ветхом Завете было время, когда вслух всего народа читывались книги закона, с клятвами непокорным и благословениями покорным, и весь народ отвечал: «Вся, елика рече Господь, сотворим и послушаем...»

(Исх. 19, 8). Вот Господь со Креста Сам повторяет нам завет Свой; отверзем слух сердца, сложим по писаному свои чувства и расположения и скажем: «Будем, Господи, соблюдать все заповеданное Тобою, хотя бы нам следовало ради того идти в темницу или на смерть». Аминь.

30 марта 1860 г., в среду Страстной седмицы

13. Главное – знать и чувствовать свою бедность и богатство Христово и пребывать в сочетании со Христом

В Великую Среду, если помните, я предлагал вам завет, завещанный нам Господом нашим Иисусом Христом, написанный кровию Его и запечатленный крестною смертью Его. Пункты сего завещания по их численности можно было тогда только указать кратко или только озаглавить. Но как они все должны составлять главный предмет нашего ведения, равно как и главную заботу нашей жизни и деятельности, то считаю себя обязанным подробнее растолковать их вам, а вас прошу приложить посильное внимание и терпение в слушании. Думаю разъяснить вам это теперь потому, что Господь, по воскресении Своем сорок дней являясь ученикам Своим, глаголя им «яже о Царствии Божии» (Деян. 1, 3); Царство же Божие, которое "внутри нас есть" (Лк. 17, 21), в чем другом и состоит, как не в чувствах и расположениях, к которым обязал нас Умерший за нас и Воскресший? Так беседуя о сем, мы войдем в соучастие бесед Господних и продолжим некоторым образом дело Его, которое совершил Он в предлежащие нам дни. К тому ж, может быть, и самые последующие недели по своему содержанию и значению будут наводить нас то на те, то на другие пункты лежащего на нас к исполнению завещания. По крайней мере, о настоящей неделе это можно сказать утвердительно и без особых усилий мысли.

Припомните, в чем состоит существо нового завета Божия к нам. Вот в чем кратко: в живом общении с Богом чрез Господа Иисуса Христа во святой Его Церкви. Главный пункт – живое общение с Богом. Но нам, падшим, невозможно иначе прийти в общение с Богом, как чрез Господа Иисуса Христа. Следовательно, предварительно надлежит нам сочетаться с Господом Иисусом, приискренне приобщившимся нашего естества; далее, достигши сего, надо жить в сем общении со Спасителем и стяжанном чрез Него богообщении при союзе со всеми возобщенными с Богом, составляющими Церковь Божию,

кней вверены и все средства спасения, и руководство всех спасаемых. Так заучите: существо нашего завета – в богообщении чрез Господа Иисуса Христа во святой Его Церкви. Восстани, падший, воззри на Господа и сочтайся с Ним, от Него востеки чрез ряд других расположений к Богу и погрузись в богосозерцание и богонаслаждение, но твори это так, как сие творится в Церкви Божией, – пребывая в союзе со всеми призывающими имя Господне. Истинный христианин, твердо содержа сей богначертанный порядок, всю жизнь свою ходит по нем умом и сердцем и собирает в нем святые чувства и расположения, убажжающие его здесь и надежно приготавливающие к блаженству вечному.

Вот о сем-то я считаю долгом толковать с вами сколько можно чаще и разнообразнее. Тут все дело наше. Если мы стоим в сем чине, хорошо нам, а если нет – пропали мы.

Так, первое дело наше – сочетаться с Господом Иисусом Христом. Мы уже сочетались с Ним. Остается только хранить сие сочетание, возгревая чувства и расположения, которыми поддерживается оно. Тому, кто не с Господом, надо говорить: «Восстань, падший, воззри на Господа и сочтайся с Ним». А кто с Господом, тому надо внушать: «Не забывай падения, от коего ты восставлен, не своди очей своих с Господа, спасшего тебя, и сильною верою впивай в себя Его спасительную силу». Иначе это так: «Знай и в чувстве сердца содержи свою бедность, знай и в чувстве сердца носи богатство Христово и потом силою веры и любви переноси сие богатство Христово на себя – бедного». Сочетанный с Господом постоянно содержит сии чувства и, переходя от одного к другому, поддерживает в себе или приводит в движение живое свое сочетание с Господом. Итак, надобно:

а) знать и в чувстве сердца содержать свою бедность, свое окаянство и свою безответность пред Богом. Это есть первая о нас самих истина. Были высоко поставлены, но завистию диаволею, преступив заповедь, подверглись осуждению и клятве, расстроились душою и телом, осуждены на внешние бедствия, подпали тиранству сатаны и состоим в опасности по смерти быть вверженными во огонь вечный, уготованный диаволу

и ангелам его. Для уверовавших все сие уже миновалось. Но никак не должно забывать сего, чтобы не впасть в самозабвение и снова не ниспасть туда же. Путь наш лежит над бездною пламени, куда мы поминутно готовы низринуться, если оставит нас благодать; а она оставит, если забудем, что мы сами по себе и слепы, и нищи, и наги... Сие чувство будет устремлять нас постоянно к Господу или заставлять бежать к Нему, как бегут из душного места или здания, объятого пламенем, на свободу. Как масло поддерживает горение в лампаде, так чувство сие будет поддерживать горение веры в Господа в духе нашем. По мере ослабления первого слабеет и последнее. Теряющий же его выходит из строя спасаемых. Вот как это важно! Попечемся же возгревать в себе чувство бедности своей, своего окаянства и негодности пред Богом, чтоб непрестанно пребывать в чувстве самоуничужения и смирения – и из глубины души взывать: «Господи, спаси мя, погибаю»;

б) знать и в чувстве сердца носить богатство Христово. Чувство своей бедности, окаянства и безответности пред Богом одно безотраднo и, пожалуй, может ввести в отчаяние – окончательно пагубный грех. Потому, не отказываясь от него, надо растворять его познанием и чувством богатства Христова... Ибо на самом деле не беден только есть человек и погибающ, но есть и спасаем, и обогащаем в Господе Иисусе Христе – на самом деле есть такое устройство, по коему над человеком гибнущим простерто Божественное осенение благодати спасающей. Потому нам надо посматривать не только на себя, как мы ничтожны, но и на Господа, как Он богат и благ, на то, то есть, как милосердый Бог обетовал послать во спасение наше Сына Своего, Который по исполнении времен действительно пришел к нам, воплотился, пострадал, крестною смертью принес жертву за грехи всего мира, воскрес и всех совоскресил, вознесся и, седши одесную Бога и Отца, ходатайствует о нас и властвует над всем как Царь, все устроая во спасение наше. Содержа в уме такое устройство спасения, восприимем его и в чувстве, чтоб вместе с апостолом взойти до того состояния, в котором «...вся вменяют уметы быти ...за

превосходящее разумение Христа... Господа» (Флп. 3, 8). Следствием сих двух чувств будет:

в) самое сочетание сердца с Господом. Ибо когда, таким образом, в одном и том же духе встретятся и чувство своего окаянства, и чувство богатства Христова, то что может удержать их от того, чтоб сочетаться друг с другом, как сочетаются вода с сухою землею или как две сродные между собою стихии? Чувство безответности восходит к Господу пожершемуся; чувство растления приемлет Господа как живот наш; страх смерти и ада исцеляется видением Господа – Царя и Победителя всяческих. Каждое чувство находит себе соответственное удовлетворение в созерцаемом Господе. Из сего-то сочетания и рождается, как дочь их небесная, истинная вера в Господа Спасителя, которая есть не одно познание Господа, не одно познание своей бедности, а есть то и другое вместе – во взаимном сопроникновении. Сочетание сердца с Господом верую есть внутреннее благодатное действие, коим на наше ничтожество и бедность переносится вся полнота Христова и усваивается нам. Это действие Божеское, коим творится внутри нас новый «потаянный сердца человек» (1Пет. 3, 4). Вот стихии, из коих слагается он: я, погибающий, погиб бы навеки, но Господь Иисус Христос, отъявший все зло, лежавшее на роде человеческом, восприял и меня в милость Свою – и Им я спасаюсь. Вера зрит Господа единственным источником своего облаженствования, исчезает в Нем сердцем, объемлет Его любовь, живет Им одним и для Него одного. Когда совершается сие сочетание Господа с сердцем, тогда бывает с каждым из нас то, что Он обещал: «Вниду к нему и вечеряю с ним» (Откр. 3, 20), насыщая его всеми благами Своими бесконечными. Вследствие сего и в глубине духа человеческого изрекается, как Фомаю по осязании Господа: «Господь мой и Бог мой!» (Ин. 20, 28). Это самый верный голос веры и самый верный ее символ.

Вот кратко, как сочетается сердце с Господом! Сначала восчувствует оно свою бедность и безответность пред Богом; потом восчувствует богатство Христово; наконец, силою веры перенесет на себя сие последнее, говоря в себе: все, что

соделал Господь для всех, Он дарует по благодати Своей и мне и меня спасает... И, говоря сие, крепко прививается к Господу, как любящее мать свою дитя обвивается около шеи матерней. Обвившись так с Господом, верующая душа и пребывает так, любовью смотря в очи Господа, держащего ее над бездною и спасающего в Себе. Так устроиться внутренно да поможет нам Господь, всем желающий спастись, чтоб все мы и в час последнего Его явления миру дерзновенно могли воззвать с Фоною: «Господь наш и Бог наш!» Аминь.

10 апреля 1860 г., в Фомину неделю

14. Свет ведения, свобода действий и покой сердца в Господе Иисусе Христе: к Нему и идите

Какой поучительный пример представляет нам ныне самаряныня! Шла она почерпнуть воды обыкновенной, но у источника простой воды обрела источник спасения. Душа ее, как видно, не совсем была поглощена заботами житейскими. Почему Господь с двух-трех слов перевел ее мысли от земного к небесному и по поводу почерпания воды научил ее искать воду, от которой пьющий не вжаждется вовеки: «всяк пий от воды сея вжаждется паки, а иже пиет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки, но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды, текущая в живот». Услышав это, жена желательно воззвала: «Господи, даждь ми сию воду!» (Ин. 4, 13–15).

Святая Церковь в своих на этот день песнях особенно выставляет нам на вид сие обстоятельство и Самого Господа представляет взывающим к нам: «жаждай да грядет ко Мне и да пиет» (Ин. 7, 37) – ожидая, что и мы, подобно самарянке, обратимся ко Господу и будем умолять Его: «Даруй нам, Господи, воду Твою».

Вникнем, братие, в урок евангельский и послушаем голоса Церкви!

"Жагдай да грядет ко Мне и да пиет", – приглашает Господь. Но не со всякою жаждою можно приходить ко Господу, а только с такою, какой прилично просить у Него удовлетворения. Что же приличнее просить у Спасителя, кроме спасения? Итак, возжаждав спасения, приступим ко Господу в чаянии утолить сию жажду, в простоте употребляя способы, какие угодно было Ему начертать для сего.

Но жагда спасения в ком уместна? В том, кто чувствует себя со всех сторон стесненным, окруженным опасностями, обремененным бедами и лишениями. Можно сказать всякому: дойди до сознания, что ты в таком положении, – и потечешь ко Господу искать себе спасения. О! Коль скоро так, то недостатка понуждений идти ко Господу не должно быть; и дивиться

надобно, отчего не все устремлены уже к Нему, чтоб почерпать воду с веселием из сего источника спасения.

Посмотрите, что вокруг нас и в нас? Вокруг нас ходит неверие, сомнение, равнодушие ко всему святому, которые, заходя внутрь нас, могут колебать и нашу душу недоумениями и покрывать ум туманом противоположных помышлений, вносящих раздор в область мирной и убажывающей веры. Ум ищет света ведения и блажен, когда вступает в него. И напротив, ему свойственно томиться, когда сокрывается сей свет, как и телесное око томится, надолго будучи лишено света вещественного. Почему сознающий в себе лишение света ведения и жаждущий его не может не взывать: «Господи, послы свет Твой и истину Твою, чтоб она наставила меня и вселила меня в гору святую Твою, с которой свободно мог бы я обозревать пространную область спасительных таинств Твоих» (Пс. 42, 3). Не в таком ли ныне многие из нас положении?! Если так, то идите ко Господу и не отступайте от Него, ибо Он есть свет и ходящий вслед Его во тьме не пребудет (Ин. 8, 12).

Присмотритесь поближе к тому, что внутри нас, – и вы увидите там душу, связанную во всех своих движениях, подобно узнику, связанному по рукам и по ногам. Вы хотите начать какой-либо подвиг, несколько тяжелый, – но саможаление не допускает до того и отнимает всю к тому силу. Вы хотите благотворить – но своекорыстие сокращает руку вашу. Вы хотите простить – но гордость оскорбленная возбуждает к отмщению. Вы хотите радоваться счастью другого – но зависть погашает сию радость. Так на всякое доброе движение как цепи какие наложены, мешающие душе действовать свободно. А душе свойственна свобода. Почему, находя себя так связанною, она не может не взывать со апостолом: «Кто мя избавит?» (Рим. 7, 24), или с пророком: «Изведи из темницы сей душу мою, исповедатися имени Твоему» (Пс. 141, 8). Так, братие, чувствуя себя связанными и желая свободы, приступим ко Господу, Который говорит: «Аще... Сын вы свободит, воистинну свободни будете» (Ин. 8, 36).

Что в сердце у нас? По его природе – желание покоя, мира, утешений, счастья; а на деле – одна скорбь сменяется другою,

одна тревога гонит другую: то досада от неисполнения желаний; то скорбь от потери достигнутого; тут страх за себя или других; там томление от неумеренной или обманутой надежды; вчера неудача поразила, как стрелой; ныне забота, как червь, точит; завтра неблагоприятное стечение обстоятельств грозит разбить, как параличом. Долго ли же так быть нам, братие? Или у нас одних погашена жажда покоя, мира и блаженства? Или не к кому обратиться нам? Придем же в себя и поспешим благонадежно обратиться ко Господу, Который зовет всех: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы» (Мф. 11, 28).

Так, братие, душа наша жаждет света ведения, свободы действия и покоя сердечного. Сознавая себя лишенными или лишаемыми сих существенных нам благ и жаждая обладать ими, потечем ко Господу, призывающему жаждущих за утолением жажды.

Жаждущий света, к Нему иди. Он есть свет, вне коего тьма. Он просветит ум твой ведением, не внешне только чрез откровение, но и внутренне чрез помазание от Святого, которое учит всему, как испытал тайнозритель, и сообщает такое осязательное удостоверение в истине, что от нее отказаться так же нельзя, как отказаться от своего бытия.

Жаждущий свободы, ко Господу иди. Он разрешит узы страстей, коими связана душа; волеет силу на добро, против которой не может устоять никакая страсть; паче же чрез труд доброделания так сроднит добро с душою, что она не будет чувствовать не только внешних, но даже внутренних уз – от закона, который «праведнику... не лежит» (1Тим. 1, 9). «Идеже Дух Господень, ту свобода» (2Кор. 3, 17). Он поставляет «на простране нозе» действующих (Пс. 30, 9) – и они действуют во всей широте добрых преднамерений, под благословляющею и содействующею десницею Божию.

Жаждущий покоя, мира и блаженства, ко Господу иди. Он есть живот, мир и покой, и единственно Он. Он изгонит из сердца все тревоги, возродив в нем другие, неземные заботы и искания; Он угасит жгучесть земных скорбей, погасит всякий позыв к земным утешениям. Себя даст Он вкусить – Себя

благого и убажжающего – и тем в забвение приведет вкус ко всему другому. Ибо Он есть полнота всякого утешения. Но что особенно – сквозь ряд событий до гроба, могущих иногда смущать, Он указывает сердцу за гробом нескончаемое блаженство, дает предвкусить его ныне и усвоить себе надеждою в будущем, чтоб восполнить чувство блаженства в нем, не невозмутимостию только его, но и непрерывностию.

Так, ко Господу идите, зовущему нас и обещающему утолить всякую жажду.

Ныне много слышите вы гласов, приглашающих к себе жаждущих; не ходите вслед их. Мудрователи говорят: «Оставьте откровение и идите к нам, мы в разуме вам покажем свет истины». Не ходите, они обманывают. Нет в них истины, а ложь. Гуманисты говорят: «К нам идите, мы разрешим все узы и изведем в свободу человеческую природу». Не ходите, они обманывают. Нет там свободы, а одна смена уз, все тяжелейших и тяжелейших. Чувственники говорят: «К нам идите, мы доставим вам всякого рода утех и жизнь вашу усладим». Не ходите, они обманывают. Нет у них утех, а есть обуморение на минуту, которое потом отзывается тягчайшею скорбию.

Так, никуда не ходите, а выну пребудьте с Господом. Он един выну будет напоять вас водою, от которой пьющий «не возжаждется во веки» (Ин. 4, 14). Аминь.

6 мая 1862 г., в неделю о самаряныне

15. Разные состояния и проявления благодати Божией в нас, верующих

Обратив Свое спасительное слово к самарянской жене при кладезе Иаковлевом, Господь взял мысль от воды и сравнением с нею указал счастливой жене великие дары, приносимые верою в Него и общением с Ним, говоря: «Всяк пий от воды сея вжаждется паки, а иже пиет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки, но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды, текущая в живот вечный» (Ин. 4, 13–14). Сия вожделенная вода есть благодать Святого Духа, подаемая верующим в Господа во святой Его Церкви. Ибо в другом случае Господь так сказал: «Аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пиет; веруяй в Мя, якоже рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы». «Сие же рече, – уверяет святой евангелист, – о Дусе, Егоже хотяху приимати верующии во имя Его» (Ин. 7, 37–39). Изменив сие иносказание в простую речь, мы услышим из уст Господа такое наставление: «Жаждающий спасения, уверуй в Господа. Кто верует, тому дается благодать Духа Святого. Благодать же Святого Духа, пришедши и вселившись в сердце, становится источником духовной жизни, ведущей в живот вечный».

Какое утешительное благовестие! Верующий получает благодать, а благодать производит в нас и из нас источник спасения! И это есть преимущество всех верующих, всех христиан. Неверующий – не христианин – не имеет благодати, а безблагодатный не имеет спасения. «Веруяй в Мя..., – говорит Господь, – реки от чрева его истекут» (Ин. 7, 38). Вера, благодать, спасение – все пребывают неразлучны, так что где есть одно что-либо, там и все есть, а где нет чего-либо, там ничего нет.

Слушая сие, с изумлением иной спросит: вот и я христианин, и я верующий, неужели же и во мне есть благодать Святого Духа?! Если есть сия благодать, то она есть во мне «источник воды, текущей в живот вечный» (Ин. 4, 14). Неужели же и во мне есть сей «источник воды, текущей в живот»?!

Неужели в самом деле, братие, над нами и в нас совершилась и совершается такая неизреченная милость Божия?

Так есть. И да не отметаает никто благодати Божией. «Или не весте... яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас», – вопрошает апостол (1Кор. 3, 16). Мы изумляемся: неужели есть в нас благодать? А апостол изумляется нашему о сем неведению. «Или не весте..., – говорит, – яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас». А в другом месте вот какое строгое издает определение: «Аще же кто Духа Христова не имать, сей несть Его" (Рим. 8, 9).

Так нераскаянны дарования и обетования Божии! Благодать Духа несомненно изливается на нас в святых таинствах и пребывает в нас с того времени, как крещаемся и помазуемся миром, но являет себя различно, судя по различному отношению нашему к сей благодати. В иных пребывает она сокровенною, неявляемою; в иных обнаруживает себя в свойственных ей действиях на нас, но обнаруживает не непрерывно, а с перерывами; иных, наконец, осеняет вполне и неотступно являет действие свое и для них, и для других заметно. Я поясню вам сии состояния. Сам к себе всякий прилагай, что будет говорено, и бери себе из того нужные уроки.

Кто принял таинства, в том есть уже благодать, хотя она не являет еще своего присутствия сквозь действия человеческие. Так семя, брошенное в землю, но еще не прозябшее и не проросшее из земли, хотя есть, но его не видно. В ином месте есть жила чистой и целительной воды, но скрыта под землю. Люди ходят по тому месту и нередко пьют дурную воду, а чистая вода тут же есть, да скрыта. На ином поле лежит под землю какое-либо сокровище; хозяин трудится, обрабатывает землю и иногда мало добывает трудами, – а сокровище тут же, да не видно. Таким же образом и в сердце нашем бывает сокрыта благодать, как сокровище, как родник, как семя, – но она в иных не видна, не являет плодов, не источает воды, не обогащает. Она есть, но не обнаруживает своих действий. В притче Спасителя получивший один талант и скрывший его в землю имел талант, но ни сам не пользовался им, ни другой не видал его (Мф. 25, 18). Так и здесь. Крещеный и

миропомазанный уже получил благодать возрождения и дар Святого Духа и имеет его, но, обратив заботы свои на иные предметы, он может зарыть сие сокровище в земле сердца своего так, что ни ему, ни другим оно не видно. Он может томиться жаждою духовною или пить гнилую воду земных утех – а источник благодати, могущий утолить его жажду, тут же, в нем, да завален. Он может голодать и быть бедным духовно – а сокровище духовное всеобогачающее и семя древа плодоносного и всенасыщающего тут же, в нем, да загромождены хламом земных дел и забот.

Поройся в земле – и, может быть, отроешь сокровище или родник чистой воды. Пройдет влага и тепло к семени, и оно прорастет и плод принесет. Так и здесь – дай простор благодати действовать, и она воздействует и явит силу свою в тебе и на тебе или как живая вода утоляющая, или как сокровище обогащающее, или как плод, питающий и насыщающий.

Что рытие земли в вещественном – то подвиги самоумерщвления в духовном. Что влага и тепло в вещественном – то в духовном труды доброделания и благочестия. Бог говорил к современникам Ноя: «Не имать Дух Мой пребывать в человецех сих... зане суть плоть» (Быт. 6, 3). Следовательно, Он будет пребывать там, где плоть распинают «со страстьми и похотьми» (Гал. 5, 24) или где несут подвиги самоотвержения. Апостол пишет: «Духа не угашайте» (1Сол. 5, 19), или: «не оскорбляйте Духа Святаго Божия, Имже знаменастесь в день избавления» (Еф. 4, 30) – и потом перечисляет страсти, каких удаляться, и добродетели, в коих преуспевать должно; следовательно, там не угасает Дух, где есть борьба со страстьми и труд доброделания. В другом месте он же учит: «Исполняйтесь Духом, глаголюще себе во псалмех и пениих и песнех духовных, воспевающе и поюще в сердцах ваших Господеви» (Еф. 5, 18–19). Следовательно, где есть песнопение, молитвословие церковное и домашнее и вообще дела благочестия, там будет и исполнение Духом или явление действия благодати Святого Духа. Подвиги самоотвержения, труды доброделания и благочестия дают простор действию в нас благодати Святого Духа, и она, сокровенная, приходит тогда

въявь и действие свое показывает и самому благодать носящему, и другим.

Но и въявь пришедши или воздействовав уже в сердце, благодать не вдруг являет всю силу свою или всю полноту своих действий, а постепенно, по частям, прерывчато. То подействует на одну сторону естества нашего, то на другую, то на одну силу, то на другую – то мысль просветит, то сердце усладит, то силы укрепит. И ни одного нет из тех, кои не преданы какой-либо греховной страсти, – ни одного нет, кто не ощущал бы в себе иногда действия благодати. Когда в уме вообразится какая-либо святая истина, например: творение, промышление, искупление и прочее, или какое событие евангельское: распятие, воскресение, вознесение и прочее, – вообразится так сильно, что окует все внимание ума, и так ясно, что он созерцает все подробности и убеждается и питается тем, – то это плод благодати Божией. Когда сердце поражается страхом суда, или исполняется надеждою благ вечных, или чувствует сладость, умиление, сокрушение, отрешение от всего с такою силою, что оно будто переносится совсем в другую область из окружающего нас, – то это есть действие благодати. Когда душа ликовствует, благодушествует, готова на всякое добро, на всякий труд, на всякое лишение и даже смерть, все терпит, не страшится никаких препятствий в богоугождении – все сии и подобные состояния суть явления действующего в нас Духа Божия.

И недаром, когда побывает кто в каком-либо из сих состояний, именуется его благодатным состоянием. В нем дается вкусить человеку то, чего ничто земное дать не может. Всякий бывает в сих состояниях, но не у всякого они бывают постоянны, а приходят и отходят, даются и отъемлются, подобно тому, как в видимом мире бывает то светло, то облачно; то тихо, то ветрено; то тепло, то холодно. Так судила спасительная благодать для нашего ж блага, чтоб не связать свободы нашей, чтоб постепенно воспитать нас к благодатному пребыванию и научить ценить благо, которое дается не вдруг, а после многих опытов даяния, рукою, как бы сокращенною. «Благодать, – говорит святой Диадок, – иногда неизъяснимым

каким-то ощущением открывает сердцу свое присутствие и потом опять скрывается, ожидает, чтоб душа ревностнее еще взыскала Господа, вкусив блага от стремлений к Нему». Из вкусивших сего кто не пожелает, чтоб учащались сии состояния и, приходя, не скоро отходили, но продлялись и долее давали себя ощущать? Трудись и ищи! Но ведай, что усугубить или умалить, продлить или сократить зависит от Господа, устрояющего спасение наше так, чтоб все споспешествовало нам во благо. Сие говорится не затем, чтоб кто руки опустил, а чтоб усугубил труд, который, как ведомо, по милости Божией все преодолевает. Трудись и ищи. К подвигам самоотвержения, к трудам добродетелей и благочестия приложи особенно внимание к себе, внутрь пребывание и непрестанное к Богу обращение умом. Внимай себе и, замечая, что именно тебя вводит в благодатное состояние, тому больше и прилежи; что же расстраивает его, от того бегай, как от огня. Приобретешь навык и укрепишься в добром пребывании – тогда и благодать приосенит тебя обильнее, а если рассудит, даст тебе постоянно обладать тем, что теперь дает только по частям. Больше всего не вдруг и не сполна осеняет душу благодать оттого, что Господь не верит нашей верности. Уверим Его в неизменной Ему верности постоянством в добре – тогда и Он вверит нам всю силу Своей благодати.

Что такое люди, достигшие сей последней степени, о том не своими скажу вам словами, а словами святого Макария Египетского (извлечено из Бесед 32, 37).

«Когда благодать Духа осенит душу, – говорит он, – всею полнотою и силою своею и поселится во глубине ее, тогда душа сия становится един дух с Господом и откровенным лицом взирает на славу Божию. Благодать, пришедши чрез очищение внутреннего человека и ума, очищает душу от всякой скверны и помысла нечистого, желая, чтоб она, возвратясь в свойственное ее естеству состояние, открытыми и ясными очами усматривала славу истинного света... Имеющий благодать, укоренившуюся в душе и сорастворившуюся с нею, на опыте познал иное богатство, иную честь и иную славу и питает душу нетленною радостью и ощущает и вполне наслаждается оною чрез

сообщение с Духом. Сколько есть различия между разумным пастырем и пасомым стадом, столько таковой человек смыслом, знанием и рассуждением различается от других людей, ибо он имеет иной дух и иной ум, иной смысл и иную мудрость. Блаженны поистине и счастливы по жизни и сверхъестественному наслаждению те, кои посредством добродетельной жизни получили опытное и ощутительное познание небесных таин Духа и имеют жилище свое на Небесах. Таковые, падши на лице свое пред Господом, под руководством Духа восходят на Небо и в твердой вере души своей наслаждаются там чудесами, там действуют, там имеют жилище, как говорит божественный апостол: «Наше... житие на Небесех» (Флп. 3, 20), и еще: «Чего не видал... глаз, не слыхало ухо, и что на сердце человеку... не приходило, то приготовил Бог любящим Его... Нам же открыл Бог Духом Святым» (1Кор. 2, 9–10)».

Вот три состояния, в каких бывает в нас благодать Духа Святого. Потрудись теперь всякий войти в себя и определить, в каком состоянии в тебе благодать, и соответственный тому возьми себе урок из предложенного рассмотрения. Скрыта в тебе благодать? Дай ей простор обнаружить свою над тобою силу. Действует благодать по временам? Стремись к тому, чтоб она стала в тебе постоянно действующею, всего тебя исполнила и не отходила от тебя никогда. А когда и сего достигнешь, пой тогда славу Богу, Благодателю нашему. Аминь.

17 мая 1865 г., в неделю о самаряныне

16. Образ и подобие Божии в нас – в творении и восстановлении

Празднуя ныне Нерукотворенному образу Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, не забудем, братие, что праздник сей установлен не ради только чуда, явленного Господом в даровании сего образа, но и ради соединенного с ним, крайне нужного для нас и высоконазидательного напоминания, именно: созданы мы по образу Божию и подобию, а когда потеряли их, снова воссоздаемся в тот же образ и подобие в Господе Спасителе, в чем все существо спасения. Воссоздаемся. Но как первосозданный потеряли мы образ, так можем потерять и воссозданный. И кто знает, цел ли он у нас? Надобно войти в себя, рассмотреть, что там есть, сличить с тем образом, по коему должно назидаться все внутри нас, и определить, целы ли в нас образ и подобие, по коим воссозданы мы в Господе. Сами собою, может быть, мы и не пришли бы к мысли заняться этим. И вот святая Церковь, установив праздник Нерукотворенному образу, каждому из нас говорит как бы тем: смотря на сей Нерукотворенный образ, вспомни, что в тебе есть свой нерукотворенный образ. Войди же в себя и посмотри, цел ли он в тебе и в том ли виде содержится тобою, как следует. Не откажитесь, братие, послушать внушения Церкви и заняться этим ныне. А я помогу вам, разъяснив, что такое образ и подобие Божие, как они восстановлены и по каким чертам можно определить, целы ли они в нас.

Образ и подобие Божии не относятся к телу, а к душе. Образ Божий состоит в естестве души, а подобие – в свободно приобретаемых ею богоподобных качествах. То, что душа наша невещественна, проста, духовна, бессмертна и разумно-свободна, – это относится к образу Божию. А когда она должным употреблением разума и свободы познает истину и станет искренно содержать ее, сердце же украсит всякими добродетелями, как-то: кротостию, милосердием, воздержанием, миролюбием, терпением и прочее, – тогда сии качества составят в ней подобие Богу. Так, например, когда

Спаситель говорил: «Будьте милосерды, якоже... Отец ваш Небесный милосерд есть» (Лк. 6, 36), то этим указал Он нам черту богоподобия, и кто усвоит ее себе, тот будет в сем отношении богоподобен.

Когда человек вышел из рук Творца, тогда образ Божий в нем был чист и совершен и богоподобие полно, сколько сие вмести́мо естеству человеческому. Когда же потом пал человек, то образ и подобие Божие испортились, исказились, омрачились. Вместо добродетелей пришли страсти и пороки и стали вытеснять их; вместо истины вошла в ум ложь, разум стал слаб к познанию и различению истины и добра, свобода стала связана дурными склонностями и привычками; в самом даже естестве своем душа огрубела и как бы оплотенела, предавшись чувственности и плотским наслаждениям.

Милосердый Бог не хотел оставить человека в этом худом состоянии, а благоволил устроить ему спасение и восстановить в нем образ Свой и подобие. Для сего Единородный Сын Божий, «сияние славы и образ ипостаси» Отца (Евр. 1, 3), «во образе Божий сый... Себя умалил, зрак раба приял... и образом обретеса, якоже человек» (Флп. 2, 6–7). Пришедши на землю, Он устроил на ней святую Церковь и вверил ей Божественное слово Свое и святые таинства. Приемля верою слово истины, содержимое святою Церковью, и получая благодать чрез святые ее таинства, человек облекается в образ Христа Спасителя, а чрез сие самое – во образ Божий, силою коего потом достигает и подобия. Сие совершается так.

Во святом крещении умирает человек для жизни плотской и греховной и возрождается от Духа Святого для жизни духовной и святой, то есть получает силу жить свято и духовно. Чрез восстановление сей силы восстанавливается в нем образ Божий. А подобие Божие отображается потом – не вдруг, а постепенно, – когда человек начинает должным образом упражнять принятую им в крещении силу жить свято и духовно и самым делом начинает так жить, избегая лжи и греха, истребляя в себе зло и страсть и насаждая добрые расположения. Кто чрез грех теряет благодать крещения, тот возвращает себе силу крещения чрез покаяние и, восстановив здесь опять образ Божий,

начинает снова, познанием истины и трудами добродетели, воображать в себе и подобие Божие. Когда таким образом он ум свой исполнит ведением всякой истины Божией, а душу украсит всякою добродетелию, тогда станет он и богоподобен, или облечется, как учит апостол, «в правду и... преподобие истины» (Еф. 4, 24) «по образу Создавшего его» (Кол. 3, 10).

Вот как говорит о всем этом святой Диадокх (в «Добротолубии», § 89; своими словами для ясности). То, что в нас есть по образу, Божественная благодать дает одна во святом крещении, омывая все наши скверны и чистым соделывая естество наше; то же, что по подобию, она потом соделывает в нас не одна, но вместе с нашею свободою. Когда, прияв силу в крещении, человек помощью ее начинает усвоить себе всякую истину и навязывать всякой добродетели, тогда на том, что есть по образу, начнет живо писаться в нем и то, что должно быть по подобию. Тут происходит то же, что делают живописцы. Живописец сначала начертывает образ человека одними чертами, а потом уже и красками разрисовывает каждую часть, как она есть в том, чей образ он рисует. Так и благодать Святого Духа сначала в святом крещении делает человека таким, как он был до падения, – восстанавливает в нем то, что по образу; а потом, когда видит, что человек усердно желает и красоты подобия и готовым себя являет на всякий для сего подвиг, тогда она, добродетель за добродетелию нацвечивая и от красоты к красоте возводя вид душевный, совершенным образом начертывает в ней и подобие – и становится тогда человек совершенным, по образу и подобию Божию.

Поясню вам это и от себя немного. Отпечатленное благодатию на образе подобие обнимает все наше внутреннее – и мысли, и расположения, и чувства – и соделывает богоподобными и ум, и волю, и сердце.

Ум богоподобен, когда он ясно ведает Символ веры и все содержащееся в нем содержит нелицемерно. Апостол Павел говорит о себе и о всех апостолах: «Мы же ум Христов имамы» (1Кор. 2, 16). Сей Христов ум они не удержали в себе одних, а предали его Церкви и верующим – в слове живом и писаном. Святая же Церковь собрала его весь воедино и изложила кратко

в Символе веры. Стало, кто ведает и искренно содержит все, чему учит Символ веры, тот имеет ум Христов, или у того ум подобен уму Христову, богоподобен.

Деятельная сила человека бывает богоподобна, когда она украшается всеми добродетелями, какие указаны Господом в учении о блаженствах, именно: смиренномудрием, сокрушением, кротостию, истиннолюбием и правдолюбием, милосердием, чистотою сердечною, миролюбием, прощением обид, терпением и прочее. Что это так, сему учит апостол Павел (Кол. 3, 9–17), ибо, сказавши, что нам надобно обещаться "в нового человека, обновляемого... по образу Создавшего», поясняет потом, в какой именно образ следует обещаться, говоря: «облецытесь... во утробы щедрот, благодать, смиренномудрие, кротость и долготерпение» (Кол. 3, 10, 12), в то, чтоб прощать, если кто имеет что на другого, мир в себе водворять и все творить с чистым побуждением, во имя Господа Иисуса и славу Божию. А это то же самое, что содержится в учении о блаженствах.

Сердце становится богоподобным, когда оно отрешается от всех привязанностей земных и прилепляется к вещам духовным и небесным. Об отрешении так заповедует апостол: надобно, – говорит, – нам так жить, чтоб «имеющие жен были как бы не имеющие... плачущие, якоже не плачущие, и радующиеся, якоже не радующиеся, и купующие, яко не содержаще, и требующие мира... якоже не требующе» (1Кор. 7, 29–31). То есть надо так настроиться, чтоб все бывающее в мире было чуждо нам, проходило около нас, не возмущая и не касаясь нашего внутреннего. А о прилеплении к предметам духовным и божественным так говорит тот же апостол: «Вышних ищите... горняя мудрствуйте, а не земная. Умросте бо, и живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе» (Кол. 3, 1–3).

Вот видите теперь, что есть образ Божий и что подобие, как восстанавливается образ и как восстанавливается подобие и в чем состоят они восстановленные. Возьми теперь всякий и рассмотри себя – душу свою, ее действия и свойства – и сличи с тем образом и подобием, кои должны отпечатлеваться в них. Что есть – благодарите за то Господа; а чего нет – то

приобрести постарайтесь, прося у Господа себе помощи на то. Если образ Божий, восстановленный во святом крещении, опять омрачен и поврежден смертными грехами, надобно обновить его в покаянии. Если цел образ, смотри, полное ли есть подобие. Читай Символ веры и рассуждай, все ли знаешь, что там содержится, и так ли знаешь, как должно знать. Если не все знаешь, дознай; если о чем не так думаешь, изгони сии богопротивные мысли и возьми мысли Божии. Возьми учение о блаженствах и смотри, все ли те добродетели есть в тебе, кои там заповедуются. Какие есть, те храни и укрепляй; каких нет, те стяжать озаботься. Возьми сердце свое и смотри, где его сокровище, где оно живет и в чем благо свое поставляет. Если увидишь, что ему «еже жити, Христос: и еже умрети приобретение есть» (Флп. 1, 21), благодари Господа. А если увидишь, что оно все опутано пристрастиями земными, начинай отрешать его от них понемногу, поспешая, однако ж, сделать это, чтоб смерть не застала, ибо кто привязан к земле, тому тяжело умирать.

Если мы положим отныне так действовать, то настоящим образом исполним урок от праздника Нерукотворенному образу Божию. А если потом и самым делом устраним все повреждения образа и подобия Божия в нас и восставим их в себе во всей целости и чистоте, то исполним и всю волю Божию о нас, которая есть святость наша.

Господь, нерукотворенно отпечатлев образ Свой на убрусе, да возьмет, как убрус, и естество наше и прикосновением к Своему Богочеловеческому лику да напечатлеет в нем не образ только, но и подобие Свое, да тако подобницы Ему бывше, по смерти сподобимся внити в нерукотворенная святая, куда вошел Он для нас – предтеча, – и с Ним, как сыны и наследники, вечно насладимся обетованных нам благих. Аминь.

16 августа 1864 г., в день Нерукотворенного образа

17. Требуется самораспятие для восстановления нас в первобытное состояние

Вчера пели мы: «Радуйся, Благодатная»; ныне поем: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко». Вчера мы восхваляли Пресвятую Богородицу за то, что Ею к нам Вышний нисшел есть; ныне восхваляем Ее за то, что Она есть таинственный «рай, имже крестное, живоносное на земли насадися древо». Вчера святая Церковь хотела возвесть нас до чувства радости избавления; ныне хочет она воодушевить нас к подъятию скорбей крестоношения. Что бы значило такое сочетание? Что внушается нам и какой урок дается чрез это? Сим внушается нам, что без крестоношения нет истинных радостей. Хочешь радоваться – понеси прежде крест. Радость – цель; крест – средство. Хочешь первой – возжелай последнего. Хотя показанное сочетание христианских празднственных воспоминаний не есть необходимое, а случилось только в сем году, тем не менее, однако ж, не неуместно занять ваше внимание объяснением, как и почему путь к радости лежит чрез крест.

Радость и веселие должны принадлежать нам по природе нашей. Бог создал человека по образу и по подобию Своему. Но как Бог есть всеблажен, то и человек долженствовал выйти из рук Творца обладателем блаженства. Так и было вначале. Человек блаженствовал и внешне, и внутренне. Но потом, по зависти диавола, будучи прельщен, преслушал заповедь Божию, чрез грех расстроил себя и вместо радости и веселия наследовал смятение и страх. Тогда в соответствие внутреннему, а вместе и в наказание, Бог отнял у него и внешнее блаженное жилище. И стал человек обременен скорбями и печальми всесторонне. Теперь очевидно, что желающему снова возобладать радостью и веселием надо уничтожить прившедшее в него падением повреждение и восставить себя в первоначальный чин и устройство. Как только сие совершится, радость и веселие опять водворятся в нас,

сроднятся с нами, как сродно нам, например, дыхание. Что же для сего надо сделать? Надобно распять себя – и вот почему!

Посмотрите, что сделалось с нами в падении! Апостол Павел то зло, которое пришло к нам чрез падение, именует человеком ветхим или греховным (Еф. 4, 22, Кол. 3, 9). Объясняя сие, Макарий Великий говорит, что чрез падение привзошел в нас иной человек – и человек полный, со всеми членами, – привился к тому человеку, который вышел из рук Творца, и заглушил или заморил его собою: превзошел так, что голова налегла на голову, руки на руки, ноги на ноги, всякая часть на себе подобную часть; заглушил так, что того первобытного человека стало или совсем не видно, или мало видно, а стал видимым и действующим только сей пришлый человек. Оттого и не стало у человека радости жизни, что стал жить не настоящий человек, а иной, греховный человек, которому не свойственно радоваться. Человек первозданный был, как говорит премудрый, прав, то есть был верующ, богобоязнен, упователен, молитвен, милосерд, кроток, смирен, чист, благожелателен, воздержан, деятелен – словом, украшен всеми богоподобными совершенствами. А пришлый человек, греховный, во всем ему противен: он невер, Бога не боится, не молится, надеется только на себя, не милосерд, гневлив, яростен, горд и тщеславен, похотлив, завистлив, неблагожелателен, ленив, предан чувственным утехам – словом, обременен всеми порочными чувствами и страстями. Когда сей последний взял верх над первым, то этот начал быть страждущим, состоящим в рабстве, под гнетом. Вследствие чего, не имея свободы действовать, скорбит и тужит. Потерпел, например, кто обиду – правый человек хочет простить, человек греховный требует мести. Как то и другое сходится в одном лице, то внутри нас происходит борьба и тревога, беспокойная, болезненная. Видим, что возвышается другой в счастии и чести – правый наш человек готов сорадоваться, греховный воздвигает зависть. Просят милостыни – правый наш человек готов по доброжелательству поделиться последним, греховный по своекорыстию и себялюбию заставляет беречь, что есть, для себя... Представляется случай предаться чувственным

удовольствиям – правый наш человек повелевает отказаться от них, чтобы сохранить себя чистым, греховный неудержимо влечет туда, ибо находит удовольствие в нечистотах. Так и во всем – пришлый, греховный человек не дает свободы человеку правому в нас, созданному по образу и по подобию Божию, томит его, держит его в рабстве и горькой неволе. Оттого и нет в нас радости, пока мы в рабстве у греха.

Теперь само собою очевидно, что для того, чтобы возвратить нам себе радость жизни, надобно умертвить в себе сего греховного и пришлого человека. А, по апостолу, это значит «совлещись ветхого человека с деяньми его» (Кол. 3, 9), распять «плоть... со страстями и похотьми» (Гал. 5, 24), или, что то же, взойти на крест.

Когда будет умерщвлен сей греховный человек, тогда получит свободу человек правый и, начав действовать беспрепятственно, так, как свойственно ему по природе, будет веселиться и радоваться. Будет умерщвляться и распинаться в нас собственно греховный человек, но как он прирос к нам и сорастворился с естеством нашим, то, убивая его на кресте, мы не можем не страдать и не болеть и сами. Тут происходит то же самое, что бывает, когда врачи делают операцию, вырезая какую-либо приросшую, ненужную, болезнь только причиняющую часть. Вырезывается лишнее, чуждое составу тела, вредное, а тело все – и настоящее – страдает. Так и в распятии ветхого человека – предается казни пагубное, не свойственное нам, безобразящее нас, греховное, но и мы не можем не страдать, потому что оно привилось к нам и стало как бы одно с нами. Вот почему сие совлечение ветхого человека именуется и есть самораспятие. Действие сие точно походит на то, как бы сдирать с себя кожу. И в самом деле, какая сильная бывает иногда боль. Но самая боль сия радостотворна, тем паче радостотворны плоды ее!

Так, братие, крест нужен, и нам непременно нужно взойти на него. Но вонмите, что распинается пришлый человек, а мы только болим при сем оттого, что нельзя оторвать его от нас без боли; в самом же деле мы не распинаемся, а освобождаемся от неволи, исцеляемся, разрешаемся от уз. Как если бы с узника

какого, окованного по всему телу цепями, которые от долговременности вросли в тело, стали снимать сии цепи, то хотя ему было бы больно, но он охотно и с радостью потерпит сию боль, зная, что чрез нее он получит отраду свободы и, немного потерпевши, приобретет себе всегдашнюю радость и веселие, – так точно и у нас при распятии греховного человека бывает больно и беспокойно, но потерпим благодушно: немного еще – и вступим «в свободу... чад Божиих» (Рим. 8, 21). Иначе нельзя. Одно из двух: или всегда страдать в рабстве греху, или, немного поболевши, вступить в отраду свободы от греха.

Вот еще что помнить должно! Самая боль самораспинания имеет отраду, и это не только по тому, что после чается, но и по тому, что в сии минуты ощущается – и от действия благодати, и от чувства здравия, начинающего разливаться по всему составу нашему духовному. Надобно только решиться на самораспятие однажды и решимость сию обратить на все вообще греховное, качественное в нас, в каком бы ни проявлялось оно виде. Когда сделается такой перелом, или это поражение греховного человека в корне его жизни, тогда поражение его по частям не будет составлять ни труда, ни боли, ни страданий. Будет только то, что чем более кто будет упражнять над собою действия самораспинания, тем больше и больше будет сам освобождаться от уз греха, тем больше и больше будет выступать «потаянный сердца человек» (1Пет. 3, 4) с одним, другим, третьим членами освобожденными, пока наконец явится во всем совершенстве, «не имущ скверны, или порока, или нечто от таковых» (Еф. 5, 27), как новосозданный «по Богу в правде и... преподобии истины» (Еф. 4, 24).

Ведая сие, братие, воодушевимся на крестоношение, или самораспинание, имея в мысли не столько минутную боль, сколько отраду спасения. Се единственный путь к свободе чад Божиих, единственные врата, коими входят в радость Господа. Желает кто радости? Распнись! Тогда, совлекшись ветхого, облечешься во все новое и явишься совершенным по духу, душе и телу, достойным чадом будущего возустроения. Сего блага желая всем вам, напоминаю вместе не чуждаться внутренних и внешних крестов, встречаемых в жизни, и, взирая

на благий их конец, воодушевляться к благодушному и терпеливому несению их. Аминь.

26 марта 1861 г., в 3-ю неделю Великого поста

18. Брань со страстями и опытность духовная

Ныне неделя, в которую вспоминается чудесное исцеление Господом 38-летнего расслабленного. В Евангелии поминается чудотворная ветхозаветная купель, которую возмущал ангел Господень каждое лето, и кто первый влезал в нее по возмущении воды, бывал здоров, каким бы недугом ни был одержим. При купели было пять притворов, в которых лежало множество болящих – слепых, хромых, сухих – в чаянии движения воды (Ин. 5, 2–4).

Что в сей день положена память святого Авраамия мученика, это очень понятно. Почивающие здесь нетленные мощи его суть наша чудотворная купель. Приходи, кто хочет, и не однажды в год, а каждый день и час, и не жди ангела, а сам возмути ее чудодейственность молитвенными движениями и воздыханиями – и несомненно отойдешь здоров от недуга, которым недугует душа твоя и даже тело, если того достойным найдет тебя промыслительная благодать Божия.

Так это понятно. Но то не совсем понятно, чего ради устроился в сей день праздник в вашей обители, сестры? Видно, что этим хотели сильнее напечатлеть в вашей мысли то евангельское событие. Но самое напечатление сие зачем, и зачем у вас, иночествующих? Какая мысль дается сим о вас, вам самим и нам, сторонним? Та ли, что вы – овчая купель для приходящих к вам больных разного рода душевными недугами, или та, что вы в своих келиях подобились пяти притворам, в которых лежат болящие, сами ищущие и чающие целительных движений вне себя, от инуда? Вот это не ясно, что вы – купель целительная или притвор с больными? Хочу пояснить вам сие потому, что отсюда выходит для вас очень назидательный урок.

По моему суждению, вы должны быть и то, и другое. В себе самих, в своих чувствах и в своем о себе мнении вы должны быть болящие, а для других – целительницы душевных недугов. Сами вы должны чувствовать и почитать себя исполненными недугов душевных, духовно слепыми, хромыми, сухими; а для тех, кои приходят к вам с немощами душевными, вы должны

подавать всякое исцеление, просвещать слепотствующих умом и самопрельщенных, исправлять хромлющих на обе плесне, нерешительных, и оживлять святое чувство в душах, иссохших суетою и заботами житейскими. Не думайте, что тут есть несообразности. Может быть, вам представится: как же это самим себя иметь душевно немощными, а другим подавать душевное врачевание? Откуда немощный сам в себе возьмет целительную силу для других? Скажу на это, что во внешней жизни точно так бывает, что скудный не дает удовольствия и бессильный – крепкой опоры, а в духовной жизни наоборот – чем кто зрит себя немощнее, тем он бывает сильнее, ибо в немощах-то и совершается сила Божия; и чем кто униженнейшим себя имеет, тем преславнейшие и спасительнейшие издает дела, ибо смиряющийся в чувствах о себе возносится делами, Богом чрез него содеваемыми.

Вы, конечно, знаете, как идет духовная жизнь. Когда человек предан страстям, то он не видит их в себе и не разделяется с ними, потому что живет в них и ими. Но когда воздействует на него благодать Божия, тогда он начинает различать в себе страстное и греховное, признается в нем, кается и полагает намерение воздерживаться от того. Начинается борьба. Сначала сия борьба ведется с делами, а когда отвыкнет человек от дурных дел, брань начинается уже с дурными мыслями и чувствами. И здесь она проходит много степеней, но главное тут вот что бывает: помыслы и чувства не вдруг освобождаются от страстей и греха, а до сего бывают еще в плену у них и после того, когда дурные дела уже прекращены. Дел тогда грешных хоть и не бывает, но душа помышляет о грешном и услаждается страстными предметами. Кто ревностно ведет дело спасения, сейчас заметит это. Внимание, которым внимает он себе, непрестанно открывает ему все сплетение страстных помыслов, роящихся внутри его. Заметив эту нестройность, начинает он прогонять дурные помыслы и подавлять страстные движения, навывает распознавать, какой страстный помысл как начинается, как подкрадывается, как увлекает и прельщает душу, а вместе навывает и тому, как

побеждать его, прогонять и погашать. Борьба длится, страсти все более и более исторгаются из сердца.

Бывает и так, что совсем исторгаются страсти из сердца. Исторгаются! Остановитесь тут вниманием, что значит это исторжение страстей из сердца? Исторгаются страсти, но борьба не прекращается; исторгаются из сердца, но не выходят из естества нашего и в нем остаются. Признак того, что страсть исторгнута из сердца, есть когда сердце начинает питать к страсти отвращение и ненависть. Но когда и этого достигнет человек, это не значит, чтобы страстные помыслы уже не приходили и не покушались увлечь душу его, – нет, и при этом они будут нападать и соблазнять, хотя без успеха, ибо сердце тогда с первого раза поражает их ненавистию и отвращением. Страсть исторгнута из сердца, но осталась подле него, стала вне его, как соблазнитель.

Положим, что так сделано с одною, другою, третью страстью – и всеми, какие у кого есть. Все они выброшены из сердца, отвергаются и ненавидятся им, но все стоят вне его и соблазняют. Каким, думаете, будет сознавать и чувствовать себя тот человек, в котором сие совершается? Не иначе как нечистым, ибо страсти нечистые, хотя они уже ненавидятся им, все же он видит в себе. Вот тщеславие приходит, вот осуждение, вот леность, вот зависть, вот похоть. Хотя всех их он прогоняет и отвергает, но все же не может не видеть, что они в нем и что, следовательно, он не может не сознавать себя немощствующим ими.

Припомните сказание об одном великом подвижнике, как он, сидя в келии, вслух осуждал себя в разных грехах. Ученики его совне слышали, что он говорил, например: «ты уж побранился»; немного спустя – «ты уже наелся ни свет ни заря»; потом – «ты уже судья стал и всех рассудил», и прочее; так он перебирал все грехи, будто содеянные им. Это не грехи были, а помыслы приходили к нему, и он судил себя нечистым от них, соучастником в них и грешником. Между тем по ходу жизни он и подобные ему стоят на высокой степени. И выходит, что тем совершеннее кто на деле, чем немощнейшим чувствует себя в сердце, чувствует себя страстным и осуждает себя в

страстности, когда страсти уже отвергнуты и возненавидены. Даже надо сказать, потому и сознает он себя страстным, что страсти отвержены, ибо пока они не отвергнуты сердцем, человек неохотно признает себя в них виноватым, а все как-нибудь извиняется в них.

Но пусть он сам себя чувствует униженным, как бы был весь в грехах и ранах, – так ему должно. Мы же смотрим, что есть на деле. Ведь он все уже страсти одолел и исторг из сердца, значит, он на деле изведаль, как какая страсть и какой страстный помысл действуют в нас и как их одолеть можно, изведаль все хитрости греха и страстей и все меры против них, духовною мудростию предписываемые, и своим опытом все сие знает. Но такое лицо есть сокровище духовного врачевания: приходи к нему с какою хочешь немощию душевною – он все расскажет, как в каком случае поступить и как укрепиться и одолеть себя. Ибо все изведаль и знает опытно целительность своих средств и их пригодность в разных случаях – «сам искушен быв, может и искушаемым помощи» (Евр. 2, 18), как говорит апостол, и даже так, что такой только и может быть настоящим врачом душ. Когда кто, сам не уврачевавшись, других врачевать хочет, тогда и врач, и врачуемый в прелесть пагубную впадают и увеличивают свою проказу взаимно, а не врачуются, подобно как если слепец слепца поведет, то оба в яму впадут.

Теперь видите, сестры, каким образом чувствующий себя немощным и страстным бывает самым надежным врачевателем душевных немощей и страстей! Отсюда возьмите решение – как и вы можете сами себя иметь болящими, а для других представлять целительную овчую купель. Вступите в безжалостную борьбу со страстями и помыслами – и сим путем достигнете того и другого. Дела греховные какие-нибудь вам трудно иметь, но при сем можно иметь греховные помыслы и все же быть грешными пред Богом. На помыслы паче и обратите все внимание и всю ревность подвижничества. Когда сею внутреннею борьбою исторгнете страсти из сердца, тогда будете способны врачевать и других и тем исполните ваше назначение в святой Церкви. Иноческие обители зачем

учреждены? Затем, чтоб приготовить духовных врачей и врачевательниц. И вы непременно должны сего достигнуть – сего ожидает от вас Церковь, сего ожидают от вас и все христиане. Если нельзя сего достигнуть без борьбы со страстями – так боритесь, и боритесь не лениво. А то что у нас будет? В мире страсти властвуют и всех снедают. Придет кто в обитель отдохнуть душою – и тут те же страсти. Куда же тогда деваться мирянам от страстей? Возьмите же себе во внимание то, чем вы должны быть, и поревнуйте не казаться только, но и быть таковыми, какими все видеть вас чают. Аминь.

10 мая 1864 г., в неделю о расслабленном и на память святого мученика Авраамия

19. Монашество – жизнь страстиистребительная, путь к сердечной чистоте

В нынешнем Апостоле слышали мы заповедь очищать «себя от всякой скверны плоти и духа» (2Кор. 7, 1). Необходимость такого очищения видит святой апостол Павел в высоком нашем назначении – быть в живом общении с Богом, по которому он именует нас «церквами Бога жива», в коих вселяется Он и ходит (2Кор. 6, 16). Как Бог есть чист, то и к общению с Ним предназначенные должны быть чисты, ибо иначе «кое причастие бо правде к беззаконию? или кое общение свету ко тьме? кое же согласие Христови с велиаром?» (2Кор. 6, 14–15).

Что же значит – очистить «себя от всякой скверны плоти и духа»? Значит очистить себя от страстей душевных и телесных, ибо они суть нечистота наша. Чистыми вышли мы из рук Творца, а когда согрешили, приняли в себя примесь страстей, которые сделали нас нечистыми. Почему кто хочет взойти опять в первобытную чистоту, тот должен победить и искоренить в себе страсти.

Побеждать и искоренять страсти есть долг всех христиан. «Иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми», – говорит апостол (Гал. 5, 24). Но многие, видя, как трудно бороться и одолевать страсти, находясь в житейских и гражданских заботах и связях, разрывают сии связи, оставляют семейство и общество и вступают в обитель на такую жизнь и такие порядки, которые прямо приспособлены к искоренению страстей. Таким образом, монашество есть жизнь, противоборственная страстям, страстиистребительная, сердцеочистительная. Об этом я и хочу напомнить вам ныне, братие, и не столько своим словом, сколько словами преподобного и богоносного отца нашего Пимена, которого и память ныне совершается и который восхваляется в песнях истребителем страстей и руководителем в сем для иноков.

Когда вступают в монашество, это не значит, что тем одним страсти уже и истреблены. Нет, страсти остаются, а только

человек вступает в такие порядки, при которых страстям нет пищи и поддержки, что и составляет приспособленность монашества к борьбе со страстями и одолению их.

В монашестве способнее одолевать страсти. Страсти ведь молчат, когда нет предметов, возбуждающих их. Удаляясь от мира, монах удаляется от сих предметов, и страсти, не находя себе пищи, все слабеют и слабеют, пока совсем не замрут. Держи себя, монах, так, чтоб глаз не видел, ухо не слышало и другие чувства не ощущали ничего худого и нечистого, – и будешь как в безопасной пристани от волнения страстей, которые, не находя себе поддержки, молчать будут. Спрашивали авву Пимена о нечистых помыслах, рождающихся в сердце человеческом, и о суетных пожеланиях. Он отвечал: ««Еда прославится секира без секущаго ею?»» (Ис. 10, 15). Не подавай руки им – и они ничего не сделают» (в «Достопамятных сказаниях...», гл. 15). В монастыре пищи страстям, предметов их, нет, только помыслы о сих предметах остались. Но и помыслы одни могут разжигать страсти, заменяя собою предметы их. Чтоб сего не случилось, авва Пимен и говорит: не давай помыслам руки, не встречай их, как встречают приятелей, подавая им руку, а отбивай их, отвергай, гони. Сиди в обители и борись с помыслами – и избавишься от страстей. Чрез пребывание в обители от предметов страстных отдаляешься, а борясь с помыслами, и мыслью о них иметь не будешь, отчего страсти, не находя себе пищи не только от предметов, удовлетворяющих им, но и от помыслов о них, замрут – только вооружись терпением и храни такой порядок постоянно. «Если сундук с платьем, – говорит авва Пимен, – будет оставлен без попечения, то платье со временем истлеет – так и помыслы, если не будешь исполнять их на самом деле, со временем исчезнут, или как бы истлеют» (гл. 20). В другой раз спросили его о том же, и он отвечал: «Если кто положит в кувшин змия и скорпиона и закроет его, то, конечно, гады со временем издохнут – так и худые помыслы исчезают, если не давать им исхода и терпением томить их» (гл. 21).

Вот отчего монашество есть прямой путь к чистоте сердечной. Прямой монах скоро достигает бесстрастия. А что не

достигается иными сия цель, это оттого, что не смотрят за помыслами и или без дел сквернятся ими одними, если усидят в келии, или даже не усиживают, а от помыслов переходят к страстным делам. Под руками такое сокровище – чистота сердца, – а они лишаются его. Достойно сие плача и сетования! А все от разленения нашего и ослабления ревности ко спасению. Ослабнет ревность сия – руки опустятся. Тут враг и подойдет, сначала с помыслами, а там чрез них доведет и до дел.

Внимайте же, братие, себе, чтоб ревность не ослабела и душа постоянно была занята одним делом очищения себя от всех нечистот. Надлежит иноку постоянно носить в мыслях то убеждение, что он мертв или что носит мертвеца в себе. Кто мертв, тому как заняться чем-либо? И кто мертвеца имеет, до сторонних ли ему предметов? Так и инок не будет увлекаем и развлекаем ничем, если утвердит себя в сих спасительных помышлениях. Авва Пимен, когда был еще учеником, получил такой урок: поди, седи в своей келии и положи в сердце своем, что уже год, как ты в могиле. И он строго исполнял сие, так что мысль о смерти срослась с его душою. Отчего, если кто приходил и начинал речи о вещах, чуждых дела духовной жизни, он ничего не отвечал, и когда спрашивали: «Почему ничего не отвечаешь?» – он говорил: «Что же мне делать? Я мертв, а мертвый не говорит». Монаху так помышлять и легко бы, ибо вся одежда его знаменует гроб и окутание мертвого (гл. 3).

С другой стороны, почитание себя мертвым развивает дух сокрушения и умиления – корень и плод покаяния и слез. Чтоб еще более раздражить сей дух умиления и плача, советуют представлять себя домом, в котором есть мертвец. Как в таком доме все в сетовании и дела им нет ни до чего, что делается вне и вокруг, так и человек, воображающий, что носит в себе мертвеца, ни о чем стороннем заботиться не будет. Приведу опять слова Пимена; увидел он женщину, которая сидела на могиле и горько плакала, и сказал: «Если б явились здесь все удовольствия мира, не привлекли бы ее внимания. Так монах должен плакать». В другой раз, увидев также женщину на

могиле в слезах и узнав, что она плачет оттого, что у ней умерли муж, сын и брат, он сказал спутнику своему: «Уверяю тебя, если человек не умертвит всех вожделений плоти и не будет так плакать, не может быть монахом. Вся душа и жизнь этой женщины погрузилась в скорбь» (гл. 72). Так надо и монаху. Тогда ему ни до чего не будет дела, не только до страстного или житейского, но даже до потребностей самых необходимых. Где будет тогда место страстям и страстным помыслам? Что особенно отгоняет помыслы и страсти в сем расположении, так это теплота и горение духа. Кто плачет, у того – более или менее – горит сердце. Горя же чистым пламенем сокрушения и умиления, оно отгоняет все нечистое. Авва Пимен так говорит о сем: «Когда горшок снизу подогревается огнем, то ни муха, ни иное какое пресмыкающееся не может прикоснуться к нему. То же бывает и с монахом. Когда он пребывает в горячем расположении духа, враг не может прикоснуться и даже приблизиться к нему» (гл. 111).

Вот видите, братие, какой простой путь к очищению страстей предлагается нам. Горение духа, плач и сокрушение, борьба с помыслами и удаление от страстных предметов! Монахам легче успеть в сем. Но и миряне не должны думать, что им позволительно поблажать страстям и помыслам страстным. Нет, страсти – сатанинское в нас семя. Им поблажать – значит с сатанюю брататься. Но «кое же согласие Христови с велиаром?» (2Кор. 6, 15). Еще никто на свете не ухитрился работать Богу и мамоне вместе (Мф. 6, 24). И не думайте о сей хитрости, а лучше в простоте веры, сознав нечистоту страстей, вступайте с ними в борьбу и побеждайте их, чтоб чрез то взойти к чистоте, а затем сподобиться награды, обещанной чистым и победителям страстей: «блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят» (Мф. 5, 8). «Побеждающему, – говорит Господь в Апокалипсисе, – дам сести со Мною на престоле Моем, якоже и Аз победих и сдох со Отцем Моим на престоле Его» (Откр. 3, 21). Аминь.

27 августа 1864 г., в четверток 11-й недели по Пятидесятнице, в Муромском Благовещенском мужском монастыре

20. Обитель в городе – открытая борьба с страстями и похотьюми мира пред лицом мира

Понуждаюсь и вам, отцы и братие, сказать посильное слово, да некий плод имею и в вас, как в других. И что скажу вам? Смотри на положение вашей обители пред лицом мира, не знаю, что видеть в устроителях сей обители – особенную ли мудрость или крайнюю недальновидность – и в вас, вступающих в сию обитель, – особенное ли мужество или крайнюю слабость?! Припомните слово одного мудрого старца об искушениях. «К кому искушение близко, – говорит он, – тот подобен стоящему на краю пропасти, и один легкий толчок может низринуть его в бездну. А кто далеко от искушения, тот подобен находящемуся далеко от пропасти. Врагу надобно сначала привлечь его к сей пропасти, чтоб потом столкнуть в нее. Но пока он будет влечь его, брат придет в себя, опомнится и прогонит искушителя».

Устроив обитель так близко к миру, основатели ее поставили иночествующих в положение тех, к коим близко искушение, кои стоят на краю пропасти. Враг во всякое время может столкнуть в нее всякого из вас. Но если так, то, значит, они учредили обитель иночествующих для уничтожения иноков, ибо инок, впадший в искушение и остающийся в нем, уже не инок. И точно, если б нельзя было найти какой благовидной мысли к учреждению обители пред лицом мира, нечем было б и оправдать учредителей ее. Но мне вот что приходит на мысль. Кто заводит, например, училище, хочет, конечно, чтоб учащиеся выучивались в нем как можно скорее. Не подобное ли сему желание заставило дать такое место и обители вашей?! Ведь на деле так бывает, что выучиваются, например, ходить, ходя; выучиваются плавать, плавая; выучиваются читать, читая. Так и иночестванию, или жизни подвижнической, выучиться иначе нельзя, как подвизаясь, вступая в подвиг, борясь со страстями и похотьюми. Страсти и похоти молчат большею частию, когда нет возбудителя их, – а когда есть возбуждение, они восстают и чрез сие тем, кои поставили себе правилом бороться с ними,

дают повод к брани, вступая в которую и борясь, они научаются бороться, воинствовать духовно, подвизаться или иночествовать как должно. Вот эта благая мысль, вероятно, и лежала в основании обители вашей. Хотели, чтоб мир, пред глазами вашими находясь, держал вас постоянно в состоянии искушаемых и чрез то давал повод к брани; вводя же в брань со страстями и похотьми, научал сей брани, скорее делал вас опытными борцами и тем отнимал опасность со стороны близости искушений.

Так ли это было или нет, всяко вам, иночествуящим здесь, сие именно надобно иметь в виду. Такому легкому подлежа искушению со стороны мира, не поддавайтесь миру, а побеждайте его и посрамляйте покушения его на вас равнодушием или даже отвращением к его прелестям. Близость искушения призывает и обязывает к мужеству в борьбе и никак не может послужить оправданием тому, кто бы чрез послабление себе поддался увлечению искушений. Как бы ни было сильно искушение, вы обязаны победить его и посрамить. И если падете, сила искушения не послужит вам в оправдание. Характер иночества неизменен, в каком бы положении ни была обитель, – чистота и ради нее борьба и подвиг; и, вступая в обитель, это надо иметь в мысли, а не послабление. Кто вступает сюда в надежде встречаться чаще с мирскими искушениями, тот на первом шагу уже не инок, а далее – что и говорить? По-мирски хочешь жить – не выходи из мира; а как скоро оставил мир – не ворочайся в него не только делом, но и желанием, и мыслями. Обитель, стоя пред миром, не обязывает мира иночествовать; и мир, стоя пред обителию, не обязывает живущих в ней подчиняться требованиям своим. Там и здесь – все дело свободы.

Уразумейте сие, братия и отцы, и так время вашего жития жителюствуйте. Обитель в пустыне есть «сокровище, сокрытое на селе» (Мф. 13, 44). Обитель близ мира есть «свет мира». Вы – град, устроенный «верху горы», которому нельзя «укрыться». Вы – «светильник», которому следует находиться «на свещнице, да светит всем..., в храmine мира сущим» (Мф. 5, 14–15).

Поймите хорошо слово сие: «град... верху горы». Гора – это совокупность всех христианских добродетелей, а град верху ее – это совокупность всех иноческих подвигов. Христианские добродетели должны быть уже вами пройдены, вы должны быть в них уже совершенными, этот труд должен быть закончен в вас. Собственно ваше – подвиги. Христианские добродетели у инока общи со всеми мирянами. Разность у них та, что мирянин ревнует только преуспеть в добродетелях, а инок должен явить себя уже совершенным в них при самом вступлении в обитель. Труд инока обращен на другое – именно, на подвиги, коими должен он победить естество свое, чтоб явиться совершеннейшим в духовной жизни. Подвиги сии суть его сокровенная внутренняя жизнь, а общие христианские добродетели должны быть явны всем и видны в нем для всех. Ими-то, собственно, он и светит миру; и миряне, смотря на него, поучаются не подвигам, кои неместимы для них, а христианским добродетелям. Смотря на иночество с сей точки зрения, скажите мне, что есть инок, который во многих добродетелях уступает мирянам? И еще больше – что есть инок, подверженный слабостям, которые и в мирянах не часто встречаются?

Сим вопросом напоминание вам творю, чтоб, уразумевши всю несообразность таких случаев с иночествованием, вы сами себя держали на страже. Вы похожи на окруженного со всех сторон врагами или на гибкое дерево, подверженное со всех сторон сильному действию ветра. Восприимите же «все оружия Божия, яко возмощи вам стати» (Еф. 6, 11) и устоять, именно: пост, бдения, церковные служения, чтение, рукоделие, послушание, вопрошение опытных и прочее. К сим телесным деланиям присоедините делание умное – внимание ума и молитву, различение помыслов и непрестанное хождение пред Богом, чтоб, и внутренно и внешне оградясь, непоколебимыми пребыть в начатом деле и успешно теши к преднамеренному, помня, что Сам Подвигоположник видит труды ваши, и воодушевляясь тем. В сем духе действуя, и в искушениях устоите, и в добродетелях явитесь совершенными. Что и да

дарует вам Господь и Спаситель наш, во славу пресвятого имени Его. Аминь.

19 июня 1864 г., в Муромском Спасском мужском монастыре

21. Всеоружие для духовной брани

«Облецытесь во вся оружия Божия, яко возмощи вам стати противу кознем диавольским: яко несть наша брань к крови и плоти, но к началом, и ко властем, и к миродержителем тьмы века сего, к духовом злобы поднебесным» (Еф. 6, 11–12)

«Горе живущим на земли, – слышал голос с неба святой тайнозритель, – горе... яко сниде диавол... имея злобу великую... змий великий, змий древний... сатана, льстят всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним» (Откр. 12, 12, 9). Злое племя коварством и лестию утвердило здесь владычество свое и адскими кознями поддерживает и распространяет его. Ни одно существо не являлось на свет, которого бы они не облагали и не опутывали сетями, чтоб увлечь его в свою бездну. Князь тьмы строго смотрит за всеми входящими в его царство, и всякий, в ком нет его духа, кто живет не по его законам, кто не признает его власти над собою, есть прямой предмет его тайной злобы, его хитрости и насилия. Итак, ищущие спасения христиане, оставив дела тьмы и вступив в свет жизни Христовой, не думайте наслаждаться покоем, не думайте блаженствовать. Великий еще подвиг предлежит вам! Целое полчище злых духов поминутно будет окружать вас, будет следить вас шаг за шагом, будет вмешиваться во все ваши занятия, чтобы хоть к чему-нибудь примешать свое зло, хоть чем-нибудь обольстить вас. Но вступив из треволнений греховной жизни на твердую землю святой правды, крепче утвердите здесь стопы свои! Сатана не утомится, возгоняя на вас волны искушений; укрепляясь в Господе, не уступайте ему своего места! Успех в столь трудном деле совершенно зависит от помощи небесной, но и вам не должно оставаться бездейственными там, где решается вечная ваша участь; а с другой стороны, и Божественная сила может в сем случае действовать за вас только чрез вас. Апостол Павел, которому в продолжение целой жизни стужал ангел сатанин, опытно дознал, как можно устоять против диавола и как даже побеждать его, и правила свои предложил в свое время

Ефесеянам, а чрез них и всем будущим подвижникам. "Станите..., – говорит он, – препоясани чресла ваша истиною, и оболкшесь в броня правды, и обувше нозе во уготование благовествования мира, над всеми же восприимше щит веры, в немже возможете вся стрелы лукаваго разжженныя угасити; и шлем спасения восприимите, и меч духовный, иже есть глагол Божий, всякою молитвою и молением молящесь на всяко время духом» (Еф. 6, 14–18). Кому нужно, тот уже несколько раз, без сомнения, перечитывал сие место, несколько раз углублялся в значение и приложение содержащихся в нем правил. Но не будет излишним, если к собственным вашим понятиям, к собственным вашим наблюдениям присоединим наблюдения и понятия святых, прежде вас в том же всеоружии воевавших с диаволом и побеждавших его.

Итак, добрые воины Христовы, "станите", во-первых, препоясав «чресла ваши истиною» (Еф. 6, 14). Что это за пояс в душе и что в ней опоясывать? Чтобы удобнее понять это, представим себе то состояние, в котором находится душа, живя во грехе. Грешная душа – это прах, развеваемый ветром, это безводное облако, носимое в воздухе, это звезда блуждающая (Пс. 1, 4; Иуд. 1, 12–13). Она никогда не бывает на месте, во внутреннем саморазмышлении; она вся в рассеянии. Воображение ее есть путь соблазна, по которому, как тени, проходят прелести мира, увлекают за собою душу – и бессильная прилагается к ним, течет вслед их и сквернится грехом в себе самой. Против такой-то рассеянности первее всего и вооружаются желающие не грешить, на то особенно и обращают внимание, чтоб установить свое воображение, укрепить душу, уничтожить эту подвижность и как бы ветренность ее, прийти в себя, чтобы из себя уже идти к Богу, войти во внутреннюю свою храмину, чтобы здесь в глубокой тишине беспрепятственнее совершать духовное священнодействие Богу. Это первое ее занятие, первый шаг к самоисправлению. Но на сем-то первом шагу преимущественно и старается сатана уловить неопытную еще душу, здесь-то особенно и усиливается возвратить ее на прежнюю жизнь – именно, развлечь душу,

рассеять ее внимание, уничтожить ее бдительность над своими желаниями и мыслями.

Как хитро и незаметно действует он в сем случае! Во время молитвы или богомыслия, при чтении слова Божия или другом каком благочестивом занятии вдруг возникают в душе неведомо откуда образы прелестных предметов. Что это значит? Откуда они? Не от чего иного, как от лесты дьявольской. Тайным неким путем прикасается сатана душе нашей, тайным воздействием приводит в движение память – и из глубины ее являются пред око души то те, то другие предметы, особенно те, которыми она прежде любила услаждаться, к которым прежде привязано было сердце. Если душа обратит внимание на сии предметы, если не изгонит их с минуты появления, то нет сомнения, что она побеждена. Один предмет напомнит ей о другом, другой о третьем, и, переходя таким образом от предмета к предмету, она зайдет наконец в полный круг греховной жизни, перенесет в свое сердце мир со всеми его прелестями и, занимаясь по виду богоугодным делом, будет ковать в себе зло. Нам представляется, что помечтать, дать волю течению мыслей – дело не только не вредное, но и довольно приятное. Но, братие, коль скоро такое движение помыслов есть в руках сатаны средство к соблазну, то в нем надо искать самого тлетворного действия на душу. Сатана не пускает напрасно стрел.

Кто долго стоял на ветре, тот, зашедши в затишье, чувствует, что все в теле его как будто не на своем месте. Точно то же бывает и в душе. Когда она, носившись долго в вихре помыслов, войдет наконец внутрь себя, то находит здесь большой переворот: внутреннее чувство притупляется, охота заниматься делами духовными пропадает, слабеет, если не уничтожается самая решимость искоренять в себе дух мира и жить по духу Евангелия – то есть в ней происходит точно то, что говорит Спаситель о семени, посеянном при пути (Мф. 13, 3–4, 19). Путем воображения приходит в душу дьявол и возьмет слово от сердца, чтоб человек, уверовавши, не спасся. Видите ли, как после мечтаний, после свободного течения мыслей душа остается как бы окраденною? Мало этого, не окрадывает только

ее при этом сатана, но и наполняет всякого рода нечистотою. Замечают, что после долгого развлеченія душа находит в себе или тщеславие, или нерасположеніе к какому-либо лицу, или зависть, или другую какую-либо греховную наклонность и недоумевает, откуда все это внесено в нее, кто всеял сии плевелы греха, когда она ревностно старалась сеять только пшеницу благих дел? Враг человеческій сие сотворил, когда размышленіем усыплена была бдительность души над собою; «всеявый... есть диавол» (Мф. 13, 39). Наряду с другими предметами входит в душу сатана, прельщает ее то к тем, то к другим мечтаемым видам и таким образом посеивает в ней грех.

Душа, ревнующая о спасеніи! Самую сею ревностію убедишься препоясывать чресла помышлений твоих, не давать воли своему воображенію, пресекать движеніе помыслов. «От утра до вечера», по совету Филофея Синайскаго, «твердо содержи в памяти Бога, и, непрестанно принося душевную молитву Иисусу Христу, мужественно, неуклонно стой при дверях сердца, и на сей духовной страже убивай всех грешников земли (Пс. 100, 8), и, с восторгом укрепясь в памятованіи о Боге, посекай с помощію Господа главы сильных и начала враждебных помыслов» (О трезвеніи, гл. 2. «Христианское чтеніе», XXVII, 1827).

Во-вторых, "станите", воины Христовы, «оболкшеса в броня правды» (Еф. 6, 14). Воины обыкновенно прикрывают грудь свою броней или латами. Что такое броня у воина Христова и что латы, которыми должен он прикрывать сию грудь? По замечанію исследователей естества человеческого, груди телесной соответствует в душе воля – такая способность, которая по назначенію своему должна избирать, желать и совершать то, что сообразно с нашею природою, с законами совести и с волею Божіею, – иначе, груди соответствует воля, ищущая правды. Чтобы понять, какова должна быть броня для такой груди, припомним то, как воля наша облекается правдою. Мы рождаемся со грехом и в жизни своей умножаем только грехи; верою в заслуги Иисуса Христа снимается с нас клятва греховная. Но оправданному нужны силы, чтобы ходить «в обновленіи жизни» (Рим. 6, 4); благодать Святаго Духа осеняет

нас и исполняет душу любовью к добру и мужеством к совершению его. Таким образом, воля наша соделывается праведною не сама, вся праведность у ней не своя, все благое в ней есть Божие. Память об этом, чувство своей ничтожности в делах правды, убеждение, что не мы, а благодать, яже с нами, трудится во всем добром (1Кор. 15, 10), какое есть в нас, или, что то же, смирение, и есть та «броня правды», в которую заповедует апостол облечься воину Христову, есть ограждение воли, ищущей правды, охранение ее от всех преткновений. Трудно победить того, кто облечен смирением. Ибо кто чрез смирение всего себя предал Богу, за того во всем действует Сам Бог.

Но сатана не отчаивается в успехе и непрерывно приступает к душе с искушениями против смирения. Он знает, что оно то же в жизни духовной, что сердце в жизни телесной, а потому в него преимущественно и направляет свои стрелы. Вы сделали какое-нибудь доброе дело: поспешили в церковь, прилежно помолились в ней, подали милостыню, дали благой совет, отказались от какого-нибудь удовольствия для пользы душевной – тотчас зарождается в душе чувство самодовольства и помышление о своем достоинстве. Это посеиваемый сатаною помысл, которым хочет он обратить внимание ваше на свою доброту и совершенство. Мало того, иногда побуждает он кого-нибудь хвалить добродетельного; иногда открывает одному тайные добродетели другого и внушает ему обнаружить их, чтобы таким образом похвалу сделать обольстительнее, сообщив ей некоторый вид чудесности; иногда является сам и хвалит за победу над собою – и все это для того, чтоб возбудить в душе тщеславное помышление о своем превосходстве. «Помысл тщеславия, – говорит святой Нил, – всех многосложнее: он объемлет почти всю вселенную и, как коварный изменник прекрасного города, отворяет врата всем бесам» (О порочных помыслах, гл. 15. «Христианское чтение», XXVII, 1821). Посмотрите только с услаждением на свои добродетели как на плоды своих трудов и своих сил, дайте только сердцу приложиться к сему помыслу – и вы на деле увидите, с какою быстротою устремится в душу вашу все зло.

Самодовольство есть первый плод самоуслаждения; из самодовольства рождается осуждение, из осуждения тщеславие, от тщеславия – желание выказаться лучшим, отсюда лицемерие, далее требование внимания и уважения, далее гордость, а далее, как говорит Лествичник, гнев, клевета, ярость, хула, ненависть, зависть, прекословие, своеобразие, непокорность (Лествица, Слово 23). То есть, над вами вполне исполнится то, что говорит Спаситель о духе, возвращающемся в прежнюю, уже пометенную храмину со множеством злейших духов (Мф. 12, 43–45, Лк. 11, 24–26). Так, братие, бегайте сего льстеца, сего беса, проводника бесов. Прогоняйте его смирением, самоуничижением, самоосуждением; говорите себе после каждого доброго дела: «червь я, а не человек»; говорите возносящемуся сердцу словами Лествичника: «Возносися теми добродетелями, кои ты сделало прежде, чем ты родилось; а те, кои ты теперь, по рождении, стало иметь, не твои, а даны тебе от Бога – так, как и самое бытие. Которые добродетели ты могло сделать без помощи разума, те только твои суть, ибо и самый разум дан тебе от Бога. Которые подвиги ты могло сделать без помощи тела, те только подъяты твоим старанием, ибо и самое тело не твое, а Божие есть творение». Скажите так и с большею ревностию и с сильнейшим жаром теките "к почести высшаго звания... в предняя... простираяся... задняя же забывая" (Флп. 3, 13–14).

"Станите", в-третьих, воины Христовы, «обувше ноги в твердость Евангелия мира" (Еф. 6, 14–15)! Путь, хождение по нему на священном языке означает жизнь вообще, праведную или нечестивую. Обувать ноги – значит посему готовиться в путь жизни, то есть избирать для себя образ жизни, определять правила для своих поступков. Посему в словах: «станите... обувше ноги в твердость Евангелия мира" – апостол заповедует решающимся жить благочестно избрать образ жизни духовной по представлению его в Евангелии, принять правилом своим для своих поступков правила Евангелия и не только избрать Евангелие в руководство для жизни, но и ходить по духу и требованию его, не уклоняясь ни на десно, ни на шуе; положить сердце свое в слово его, решиться не отступить от него ни на

шаг, хотя бы это стоило самых великих пожертвований, самых великих скорбей и лишений, хотя бы даже самой жизни. С такую только решимостью, вступая в путь жизни Христовой, мы не поткнемся на нем; иначе враг легко искусит нас – и падение наше неизбежно.

Известно, что время самоисправления есть время искоренения худых привычек, умерщвление порочных страстей, истребление греховных склонностей – тут надобно постоянно бодрствовать над собою; постоянно бороться с живущим внутри грехом; потушать страстные желания, которые, иногда воспламеняясь мгновенно, объемлют тело и душу; раздирать проникнутое пристрастиями сердце. А такое занятие, такое напряженное состояние, пока еще не возродилась в душе любовь к добру, пока сердце не вкусило еще сладости от благих дел, есть занятие самое трудное, состояние самое тягостное. К чувству сей-то тяжести и прививает часто сатана искушение, которое тем сильнее, что прикрывается любовью и снисхождением к нам. Если где, то наиболее здесь представляет он в себе самого хитрого льстеца. Довольно вы уже трудились, внушает он, можно дать себе некоторое послабление, можно позволить себе некоторые удовольствия. Видите, он стоит за нас, за нашу плоть, за нашу жизнь и, искушая, как будто не искушает. Но посмотрите, какую ужасную бездну прикрыл он сими цветами. Согласитесь только на его предложение, дайте только усилиться чувству тяжести – и сатана не умедлит столкнуть вас в сию бездну.

Мысль о послаблении, сначала незначительная, возрастет в желание, укрепится и истребит в вас все доброе. Вот уже вы начали искать развлечений, вот уже чувства влекут вас к сродным себе удовольствиям: глаз ищет прекрасных вещей, ухо – сладостных звуков, вкус – приятных снедей и пития, язык порывается изнесть из души долгим трудом собранное сокровище духовное. Пришед в себя, вы уже не ощущаете удовольствия ни в богомыслии, ни в молитве, ни в чтении слова Божия. Снова пускаетесь в развлечения, снова ищете невинных удовольствий, снова прилагаете сердце к прелестям мира, чтоб вознаградить ими теряемое сокровище души. И вот уже душа

ваша вышла из себя, вот уже обычные дела благочестия исполняются вами наскоро и не от души, вам уже не стоитя в церкви и не хочется слушать в ней пения и поучений. Проходит день, другой, неделя – и душа ваша полна вихрем прежних сует и беспокойств, прежних страстей и склонностей, прежних грехов и преступлений. Видите, как незаметно волны сатанинских искушений отбивают ладью жизни вашей от тихого пристанища Христова и относят в бурные волнения мирской греховной жизни. И все это от одной невнимательно пропущенной мысли о послаблении, от одного допущенного в сердце помысла о трудности и тяжести самоисправления. Укройте же от сих волн, гоните сего «духа лестча» (1Ин. 4, 6) при первом его появлении, посекайте этот губительный помысл у самого входа в душу, не допуская до сердца. Помысл о послаблении радуется ленивое «плотьяное сердце» (Иез. 36, 26) – а вы поразите его ножом сильнейшей решимости; душа ваша порывается при сем на свободу – а вы новым воспламенением ревности вложите ее в избранный однажды вами ход духовных занятий. Крепче держите себя в своих пределах и ни за что не уступайте места диаволу. Потерпите Господа (Пс. 26, 14). Пусть Дух Святой очистит храмину души вашей. Тогда снидут к вам Отец и Сын – и начнется сладкий покой и неизъяснимое блаженство души в Боге.

Четвертое. Вот уже, братие, вы счастливо прошли несколько искушений, вот уже обыкли отражать сатану, сосредоточили свою душу во «едином... на потребу» (Лк. 10, 42) и со смирением твердо идете путем добродетели, вот уже начинаете ощущать радость жизни в духе Евангелия. Благословенно шествие ваше. Но «укрепляйтесь в Господе и... державе крепости Его» (Еф. 6, 10). Вас ожидают новые искушения, самые поразительные. У лукавого есть еще разжженные стрелы, и он ждет только удобного случая, чтобы поразить вас ими. Как некоторая необходимость на пути нравственного совершенства, является по временам в душе какая-то необыкновенная сухость, иногда довольно продолжительная. Это оттого, что спасительная благодать Духа отступает на время от души или скрывает от нее свое

присутствие, а вместе с тем отступает от нее радость и веселие и скрываются все утешения благодати. Премудрая благодать, без сомнения, имеет при сем для души спасительные цели. Как мать лишает иногда своего присутствия дитя, чтобы дать ему почувствовать сладость сего присутствия и чтобы после с бóльшим жаром самой обнять его, так и благодать отступает иногда от души, чтобы возбудить в ней сильнейшее желание себя и потом в расположенную таким образом душу излиться с бóльшим изобилием.

Но между тем как так премудро устроится путь спасения, сатана не медлит воспользоваться благоприятною минутою. Как лютей зверь подстереженную добычу, схватывает он оставленную душу и окружает ее злыми духами хулы и сомнений. И куда ни обратится бедная душа, везде встречает их приращения, везде подвергается их нападениям. Станет ли читать Евангелие, все ей в нем кажется неверным и подозрительным; войдет ли в церковь, все здесь ей представляется одним призраком без существа и действительности. Самое бытие Господа Иисуса Христа, бытие Божие, бессмертие души, все устройство спасения, весь даже обыкновенный порядок вещей кажется ей обманом и ложью. А дух хулы, каких пакостей не творит он для души! «Сей, сей, – взывает с жаром святой Лествичник, – непотребный дух часто во время самой Божественной литургии, и в самый страшный час священнодействия, хулит мысленно Бога и совершаемые Тайны, и не токмо Бога и все Божественные вещи хулит, но еще бесстыднейшие и непотребные слова внушает в наше сердце, дабы мы или молитву оставили, или отчаянию подверглись» (Лествица, Слово 24). Вот подлинно «разжженные... стрелы»! Падая от других искушений, душа может еще восставать, но побежденная духом хулы и сомнений, погибает невозвратно, потому что следствие падения в сем случае есть совершенное отчаяние. «Таковые, – говорит святой Лествичник, – не только не имеют никакой к спасению надежды, но и беднейшие суть всякого безбожника и язычника» (Лествица, Слово 2).

Добрые воины Христовы! Стойте, укрепляйтесь в Господе. Восприимите «щит веры, в немже возможете вся стрелы

лукаваго разжженных угасити» (Еф. 6, 16). Только пламень веры может прогнать мрак хулы и сомнений – пламень веры, а не мысленное только согласие на все содержимое Церковью. Последнего рода вера при первом появлении сомнений уже побеждена. Мысли наши не могут в то же время быть в двух противоположных состояниях, и если в них есть сомнение, то нет уже веры. Не мысленную, холодную веру ума предписывает святой апостол Павел, а живую, пламенную веру сердца, которое бы полюбило истины Евангелия, сроднилось с ними, дорожило ими как единственным сокровищем, дорожило столько, сколько дорожит счастьем. При таком расположении души если ум и исполнится хулы и сомнений, то сердце все еще останется верным Евангелию и благоговейным к уставам Церкви, и не только само сердце останется целым и невредимым, но изгонит и из ума злых духов и очистит его от их наваждения. Таким образом, из сердечной веры естественно составляется щит для отражения разжженных стрел хулы и сомнений. Восприимите убо сей "щит веры", оградите себя им от злобы лукаваго, положите его средостением между собою и темною властью, укройтесь за него – и будете безопасны от отчаянного падения.

Пятое. После победы над духами хулы и сомнений сатана лишается последней возможности действовать прямо на душу. Она теперь исполняется богоподобных совершенств, сила и дух Христов вселяются в ней, и вся сила вражия далеко бежит от нее. Сатана избирает теперь другой путь к искушению. Он обставляет праведника такими обстоятельствами, в которых нет для него никакого утешения, никакой отрады, в которых на каждом шагу встречают его неудовольствия, печали и скорби. Его начинают ненавидеть, не зная почему, начинают поносить, гнать, клеветать, подвергая суду, не имея на то достаточной причины. Все царство сатаны, весь мир вооружается против него: его бьют, гонят, лишают имения, детей и всего, что утешало его трудную жизнь. Мало этого, сатана выставляет против него злейших духов-мучителей, которые то страшат его привидениями, то даже мучат и терзают самое тело. И все это иногда собирается на главу праведника в самое

непродолжительное время. Христиане-подвижники! Ходите среди всех сих скорбей, как львы, уповая; прикройте главы ваши от сих ударов бедствий шлемом упования: «шлем упования спасения» (1Сол. 5, 8) восприимите – и все козни сатаны мимоидут вас, и вся злоба его не коснется вашего сердца.

Видали ли вы у берега моря каменный утес? Волны сильно бьют в него, даже покрывают его, а он стоит непоколебим, и валы бегут со стыдом назад. Это образ уповающего! Все несчастья, все беды, все скорби как будто не касаются его, как будто чужды ему. Отчего же это? Оттого, что у уповающего нет сердца на земле. Он перенес его на Небо, связал крепкими узами любви с благами небесными – и все удары, какие хочет нанести сему сердцу сатана, не достают до него. Так, христиане, терпящие Господа, не миновать вам бед самых разительных, самых трогательных для вашего сердца. Но укрепляйтесь в Господе, не дающем постыдиться уповающим на Него. Положите сердце ваше в Боге вашем. Презрите все земное, надеждою перенесите души ваши за пределы настоящего, возлюбите вечные, нескончаемые блага Царствия Христова – и вы сами в себе испытаете то дерзновение, которое оказал апостол Павел: «Кто ны разлучит от любве Божия? скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч... Во всех сих препобеждаем за Возлюбльшаго ны» (Рим. 8, 35, 37); испытаете то необыкновенное состояние, в котором апостолы были «яко скорбяще, присно же радующесе; яко нищи, а многи богатыще; яко ничтоже имуще, а вся содержаще» (2Кор. 6, 10).

Облекши воина Христова в оружия на отражение злых духов, апостол дает ему и другие оружия на поражение их. Это глагол Божий и молитва. Шестое: «И меч духовный, – говорит он, – ...восприимите... иже есть глагол Божий» (Еф. 6, 17). Кому неизвестно, чем победил искусителя Сам Подвигоположник наш Иисус Христос? Глаголом Божиим. А чем побеждали его апостолы, святые отцы и вообще все праведники? Глаголом Божиим. Глаголом же Божиим можем побеждать их и мы. С нашей при сем стороны требуется одно условие: надобно

содержать сей глагол не в памяти только или в уме, а в сердце, надобно душевно сродниться с ним и возлюбить истины его. В таком случае с какой бы стороны ни приступал к нам сатана, какой бы помысл ни всеивал в нас злой дух – в сердце, устроенном по глаголу Божию, всегда возродится свое расположение, свое даже стремительное желание, совершенно противоположное всеиваемому помыслу. Войдет ли в душу помысл тщеславия – сердце скажет: «червь я, а не человек». Придет ли сомнение – он противопоставит ему свое убеждение: "аще апостол, или ангел с Небесе благовестит мне паче... анафема да будет» (Гал. 1, 8). Лишится ли праведник всех утешений земных – сердце его утешит себя сими словами: «Многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие» (Деян. 14, 22). «Недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явитися в нас» (Рим. 8, 18). Вообще всякий порочный помысл, всякое искушение ко греху будет посечено глаголом Божиим, утвержденным в сердце. Сверх того, в слове Божиим движется Дух Божий, могущественный и всесильный. Сердечно восприимлющий сие слово и свое слово некоторым образом делает причастным Божественного могущества и силы. Оттого праведник скажет – и делается, повелит – и бесы повинуются ему. Вот надежный источник могущества и силы к поражению диавольских полчищ. Восприимите же, воины Христовы, сей духовный меч слова Божия.

Но самое сильное к победе над сатаною оружие есть молитва. Молитва есть обращение мыслей и сердца нашего к Богу; Он снисходит нам Своею милостию и благоволением, и между душою и Богом устанавливается тайная некая связь, как бы святая струя света, по которой восходят прошения и надежды души к Богу и нисходят благодати и милости от Бога в душу. И князь тьмы, ненавидящий света, поневоле бежит от погруженного в молитву. «Если ты, – говорит святой Лествичник, – о защищении себя от душевных врагов непрестанно Царя Небесного просити будешь, то, когда они на тебя нападут, дерзай смело, не будет тебе никакого затруднения. Ибо враги твои сами от тебя скоро отыдут, потому что они не захотят быть тому сами свидетелями, чтобы ты посредством своей молитвы,

с ними сразившись, получил себе венец: и для того молитвою твоею, аки бы неким огнем будучи опаляемы, прочь от тебя отступят» (Лествица, Слово 28). Желающие победить сатану, молитесь «всякою молитвою... на всяко время духом» (Еф. 6, 18).

Так, братие, горе благочестно живущим на земли! От наветов диавольских неминуемо встретят их соблазны, искушения, скорби, гонения и всякого рода беды. Но, воинствующие христиане, потерпите Господа (Пс. 26, 14). Золоту нельзя не быть в огне, чтобы очиститься; но его и не оставляют в огне навсегда, потому что для очищения его нужно известное только время. Пройдет срок и вашего очищения; в душе вашей водворится наконец приятная тишина. Тогда снидет к вам Сам Спаситель, будет вечерять с вами (Откр. 3, 20), и от блаженства сей вечери вы забудете все прежние скорби и печали. Что делать, если мы сами для себя сделали необходимым такой порядок нашего спасения, если необходимо пройти эту раскаленную печь искушений, чтобы насладиться возделанным покоем в Боге. Не вечно воевать вам. Настанет время, когда бесы сами побегут от вас. Но пока настанет это блаженное время, «возмогайте во Господе и в державе крепости Его: облецытесь во вся оружия Божия, яко возмощи вам стати противу кознем диавольским» (Еф. 6, 10–11). Бог же и Отец Господа нашего Иисуса Христа «да даст вам по богатству славы Своея, силою утвердиться Духом Его во внутреннем человеце, вселится Христу верою в сердца ваша» (Еф. 3, 16–17). Аминь.

В 27-ю неделю по Пятидесятнице

22. Как исполнить заповедь апостола: как работали греху, так поработайте правде?

Как милостив и снисходителен к нам Господь! Сколько делал и делает Он для нас – и как малого требует! Образом Своим нас украсил; все покорил под ноги наша; когда пали, Сам благоволил прийти к нам и пострадать за нас и всеми окружил нас спасительными средствами во святой Своей Церкви; всячески руководит нас на пути правды и, сохраняя здесь, Царство вечное обещает покорным. Мало ли все это? А сколько требует от нас? Не больше того, сколько сами мы добровольно отдаем греху-губителю, когда бываем преданы ему. «Человеческо глаголю, – учит апостол Павел, – за немощь плоти ваша, якоже бо представисте уды ваша рабы нечистоте и беззаконию в беззаконие, тако ныне представите уды ваша рабы правде во святыню» (Рим. 6, 19), как слышали вы в нынешнем Апостоле. То есть поработайте Господу хоть с таким же усердием, как работали вы греху.

Не думаю, чтоб кто-либо от такого небольшого требования стал отказываться. Но может быть, не для всякого ясно, в чем именно состоит сие требование. Поясню вам содержание его коротко.

Апостол Павел определяет его словами: как представляли вы «уды ваша рабы нечистоте», так ныне представьте сии уды «рабы правде». Уды – это части нашего состава душевно-телесного, или органы нашего тела и способности души. Значит, если перечислить сии органы и способности и показать, как каждая из них может работать Господу в противоположность работе греху, то само собою объяснится, чего именно требует от нас Господь.

Тело наше имеет следующие отправления: отправления органов чувственных – зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса; отправления движения – рук, ног и всего тела, труда и отдыха, сна и бодрствования; отправления питания, употребления пищи и питья – органы слова. Душа имеет следующие способности: воображения и памяти, смысла и

рассудка, пожеланий и предприятий, ощущений и эстетических наслаждений; и выше всех сих силы духа, обращенные к Богу, – боговидения, совести, богоуслаждения.

Когда человек работает греху, то работает ему всеми сими отправлениями и способностями, равно когда обращается к Богу, может и должен всеми ими работать правде. Это естественно. Где человек своим сознанием и сердцем, там он всем своим существом. Он походит в своем составе разнообразном на губку и впивает в себя ту влагу, в которую погружает сам себя, – или тлетворный яд греха, или животворные стихии правды Божией. Это вот как.

Есть у нас чувственные органы – глаза, уши, обоняние и прочее. Когда работает человек греху, то все сии органы обращает только на то, что носит печать греха и питает его: глаза смотрят сладострастно, уши любят слышать сладкие речи и песни, обоняние – обонять ароматы, возбуждающие похоть. Отсюда – глазерство, жажда приятных впечатлений, нега кожи и прочее. Когда же он отвращается от греха и порабощается правде, тогда глаз воздерживается от видений, ухо от слышаний похотных и обращается на одно святое и спасительное – видение священных изображений и слышание священных песнопений; и все другие чувства связуются, чтоб от них было сколько можно менее впечатлений и менее развлечений и чтоб душа имела более свободы быть одна в себе самой с возлюбленным Господом. Так чувственные органы порабощаются правде.

Есть у нас отправления движения – рук и ног, потребность труда и отдыха, сна и бодрствования. Когда работает человек греху, смотрите, какого рода бывают у него движения?.. Он любит гулянья, пляски и танцы или еще хуже – предан хищению и грабежу или лености и сонливости; у иного день превращен в ночь и ночь – в день. Порабощаясь правде, обязуемся двигаться только путями правды: положить меру сну и бодрствованию, труду и отдыху; определить места, куда ходить и зачем ходить; вместо танцев возлюбить поклоны, вместо беспорядочных гуляний – хождения в храмы и жилища бедности

и страданий; руки приучить работать и подавать милостыню; отнимать часть сна для молитвы и прочее.

Есть у нас потребность питания, или употребления пищи и питья. Работающий греху подвергается многоядению, сладкоядению, пированиям, пьянству и тому подобное. Порабощаясь правде, надо возлюбить воздержание, чтоб вкушать пищи и питья в меру – и по уставу Церкви.

Есть у нас орган слова. У грешников и слова грешны. Отсюда пустословие, празднословие, пересуды, смехи, шутки, остроты и даже кощунство. Но кто Господу угождать положил в сердце своем, тот верно исполняет заповедь: «слово гнило да не исходит из уст ваших» (Еф. 4, 29), помня, как много зла от языка.

Так член за членом все тело порабощается правде и становится верным орудием спасения для ищущих Господа. Справедливо говорят святые отцы: поработи тело духу и увидишь, какой оно друг тебе и сотрудник.

Но как отправления тела, так и способности души все поработить надо правде для полного угождения Богу. Воображение, любящее мечтать и любоваться худыми образами, надо связать трезвением и сосредоточением внимания, «препоясав», как заповедует апостол, «чресла помышлений» (1Пет. 1, 13). Память, набитую страстными предметами, надо очистить и наполнить воспоминаниями святыми. Ум, своевольный и склонный к лживым предположениям, – покорить откровенному учению и украсить познаниями истины, чтоб обо всем мыслил и все понимал, как заповедал Господь. Волю, своенравную и преданную страстям, – подчинить игу заповедей, чтоб и желала и предпринимала только то, что сообразно с волею Божиею всесвятою. Сердце, падкое на чувственные красоты, – отвлечь от них и образовать в нем вкус только к святому и небесному, чтоб таким образом подготовить его ко вкушению благ небесных.

Так способность за способностью – и душа вся покорится правде. Кто так устроится, тот и душою, и телом будет работать Господу и соделается верным исполнителем заповеди апостола

– поработить правде все уды свои в противоположность порабощения их беззаконию.

Понятно вам теперь, что требуется от нас словами апостола: «Якоже бо представите уды ваша рабы нечистоте... тако ныне представите уды ваша рабы правде» (Рим. 6, 19).

Не считаю нужным прилагать какое-либо после сего убеждение. Дело так очевидно, что само собою обязывает всякую совесть, возжелавшую искренно Господу работать. Одно только присовокуплю. Посмотрите на конец, куда приводит грех и куда приводит правда. Или какой плод того и другой. Ныне же апостол указывает, что кончина греховных дел – смерть, плод же правды есть живот (Рим. 6, 21–23).

То есть грех убивает, правда животворит. Видали ль вы, как, когда на каком-либо металле нальют острых кислот, сии кислоты начинают мало-помалу разъедать и разлагать составные его части и наконец совсем съедают и твердое, кажется, тело, так что и угадать нет возможности, что было прежде. Вот точно такое же действие оказывает грех на существо наше. Как яд какой, входя внутрь, разлагает он душу и тело и каждую часть души и тела и тем губит человека. Подобно тому, как в теплицу, полную разнообразных растений и цветов, впущенный холод или воздух тлетворный убивает цветок за цветком, к какому только прикасается, так грех способность за способностью губит в душе и силу за силою в теле. Кажется, довольно побуждения к тому, чтоб убежать греха.

Напротив, как весенняя теплота и влага оживляет все замиравшее на время зимы, так все убитое грехом оживает в составе существа нашего, когда дух наш обращается к Богу и посвящает себя богоугождению. Ибо тогда Солнце правды воссиявает в уме, веяние любви Божественной согревает душу нашу, животворные стихии благодати Божией проникают и освежают все силы души и тела. Бог есть источник жизни. Предающий себя Господу «един дух есть с Господом» (1Кор. 6, 17) и пьет полными устами питье жизни из сего неистощимого источника. Такому только и свойственна истинная жизнь. Или такой только и живет. У прочих только призрак жизни, хотя они обнаруживают многодвижную и будто многостороннюю жизнь.

Господи! «Посли свет Твой и истину Твою» (Пс. 42, 3), чтоб могли мы ясно различать пути жизни и смерти, доброе и лукавое, огонь и воду и, умудряясь во спасение, охотно поработались, «свободшеся... от греха» (Рим. 6, 18): «да не царствует... грех в мертвенном... теле» нашем и чтоб нам не слушать его в похотях его (Рим. 6, 12). Аминь.

19 июня 1860 г., в 4-ю неделю по Пятидесятнице